

Острые предметы

Автор:

Гиллиан Флинн

Острые предметы

Гиллиан Флинн

Камилла Паркер, не особо удачливый репортер одной из не особо успешных газет Чикаго, мечтает о блестящей карьере. И вот девушке выпадает счастливый шанс, способный резко повысить ее журналистский статус, – Камиллу посылают корреспондентом в маленький городок, где жертвой маньяка стали несколько малолетних девочек. Ее задача выдать читателям сенсационное сообщение с места событий. Дело в том, что Камилла в этом городе родилась и выросла, а потому кому, как не ей, легче других найти общий язык с жителями и выяснить нюансы расследования. Но погружение в страшную реальность провинциальной жизни оборачивается для нее цепью кошмаров, достойных кисти Иеронима Босха...

Кроме романа «Острые предметы», в книгу вошла повесть «Кто-то взрослый», представленная в новом переводе.

Гиллиан Флинн

Острые предметы

Сборник

Gillian Flynn

SHARP OBJECTS

Copyright © 2006 by Gillian Flynn THE GROWNUP

Copyright © 2014 by Gillian Flynn All rights reserved

This translation published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© И. В. Егорова, перевод, 2013

© А. С. Киланова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

© Издательство АЗБУКА®

* * *

Острые предметы

роман[1 - Перевод И. Егоровой.]

Моим родителям Мэтту и Джудит Флинн

Глава первая

На мне был новый свитер, жгуче-красный и некрасивый. Сегодня двенадцатое мая, но на улице всего градусов десять. Четыре дня я мерзла в легкой одежде, а потом решила купить что-нибудь теплое на распродаже – не хотелось копаться в коробках с зимней одеждой. Такая в Чикаго весна.

Я сидела в своем рабочем закутке, отделанном рогожкой, и смотрела на монитор. В моей сегодняшней статье речь шла о преступной небрежности. В Саут-Сайде[2 - Район Чикаго, расположенный к югу и востоку от р. Чикаго. Значительная часть района – трущобы. Заселен в основном переселенцами с негритянского Юга и пуэрториканцами. – Здесь и далее прим. перев.] обнаружили четверых детей, от двух до шести лет, запертых в комнате одних. Из съестного в доме – пара сэндвичей с тунцом и бутылка молока. Три дня дети носились, как перепуганные цыплята, по загаженному ковру. Мать ушла покурить травки и просто о них забыла. Вот как иногда бывает. Ни брошенного окурка, ни хруста костей. Просто ушла и не вернулась. Мне удалось увидеть ее после ареста: Тэмми Дэвис, двадцать два года, толстая блондинка, на щеках розовые круги румян, маленькие и ровные, как следы от донышка рюмки. Я представила, как она сидит на полуразвалившемся диване, в зубах трубка, изо рта клубы дыма. Потом все поплыло, дети остались где-то далеко, и вот она снова – тринадцатилетняя школьница с блестящими губками, которая еще нравится мальчикам, ведь она самая хорошенькая в классе и, прежде чем целоваться, жует коричные палочки.

Вижу брюхо. Чувствую запах сигарет и старого кофе. Устало ковыляя в изношенных ботинках, входит редактор, всеми уважаемый Фрэнк Карри. Зубы в коричневом налете от табака.

– Как статья, детка?

У меня на столе лежит кнопка острием вверх. Он слегка надавил на нее пожелтевшим ногтем.

– Почти готова.

Написано три абзаца. А требовалось десять.

– Ладно. Плевать на нее, подшивай в папку и давай ко мне.

– Я и сейчас могу прийти.

– Плевать, подшивай и приходи.

– Отлично. Десять минут.

Мне хотелось забрать у него чертежную кнопку.

Он направился к выходу. Его галстук свисал почти до ширинки.

– Прикер?

– Да, Карри?

– Плевать на нее!

Фрэнк Карри считает меня доверчивой дурушкой. Может, потому, что я женщина. А может, потому, что я и впрямь такая.

Кабинет Карри находится на третьем этаже. Держу пари, его чертовски раздражает, когда он видит из окна ствол дерева. Хорошие редакторы видят не кору, а листья – если они вообще могут разглядеть деревья с двадцатого-тридцатого этажа. Но для «Дейли пост», четвертой по значимости газеты Чикаго, которую перевели в пригород, такого простора больше нет. Хватит с нас и трех этажей, безжалостно распластанных, растекшихся по земле, незаметных среди магазинов, торгующих коврами и лампами. Наш поселок построили в рекордный срок, за три года, с 1961 по 1964-й. Заказчик, корпоративный предприниматель, назвал его в честь дочери, которая за год до окончания строительства получила серьезную травму, упав с лошади. «Аврора Спрингз», – провозгласил он и сфотографировался рядом с указателем нового населенного пункта. А потом забрал свою семью и уехал. Дочь, которой теперь за пятьдесят (со здоровьем у нее порядок, иногда только в руках покалывает), живет во Флориде и раз в несколько лет приезжает сюда сфотографироваться возле указателя со своим именем, как когда-то ее отец.

Я написала статью о ее последнем приезде. Карри она не понравилась: он вообще не любит реалистические сюжеты. Читая статью, он распил бутылку выдержанного ликера «Шамбор», и потом, когда выходил из кабинета, от него пахло малиной. Карри напивается часто, но ведет себя тихо. Однако пьет он не потому, что из его окна открывается такой приятный вид. Просто для того, чтобы отвадить невзгоды.

Я вошла к нему и закрыла дверь: кабинет редактора мне представлялся совсем другим. Здесь хотелось видеть большие дубовые панели, застекленное окно в двери с табличкой «Начальник», чтобы начинающие репортеры могли полюбоваться, как мы яростно спорим о правах[3 - Речь идет о свободе прессы.], данных нам Первой поправкой к конституции. Кабинет Карри безликий и казенный, как и все здание. Там хоть журналистские дебаты веди, хоть мазок гинекологу сдавай – никому дела нет.

– Расскажи мне о Уинд-Гапе.

Карри приложил шариковую ручку стержнем к подбородку. В зарослях седой щетины наверняка осталась синяя точка.

– Он находится в долине Миссури, в дальней части, на юго-востоке. Рукой подать до Теннесси и Арканзаса, – принялась докладывать я.

Карри любил натаскивать репортеров по всем темам, которые считал нужными: количество убийств, совершенных в Чикаго в прошлом году, демографические показатели округа Кук, а теперь ему зачем-то понадобилась информация о моем родном городе, хотя о нем мне говорить не хотелось.

– Уинд-Гап стал известен до Гражданской войны, – продолжала я. – Он стоит на Миссисипи, поэтому некоторое время служил портом. Теперь там основной промысел – убой скота. Жителей около двух тысяч: потомственная денежная аристократия и отбросы общества.

– А ты к кому относишься?

– К отбросам. Из потомственной денежной аристократии.

Я улыбнулась. Он нахмурился.

- И что же, черт побери, там происходит?

Я сидела молча, перебирая в уме бедствия, которые могли произойти в Уинд-Гапе. Это захолустный городишко, где вполне может что-нибудь случиться: автобусы столкнутся или ураган налетит. Рванет на силосной башне или ребенок в колодец упадет. Мне было слегка досадно. Я-то надеялась – как всегда, когда Карри вызывает меня к себе, – что он похвалит меня за последнюю статью, даст повышение и переведет на новый участок работы, а потом сунет в руки бумажку с нацарапанным на ней приказом о повышении зарплаты на один процент. Но я не ожидала, что придется говорить с ним о Уинд-Гапе.

- У тебя же там мама, верно, Прикер?

- Да. И отчим.

А еще единоутробная сестра, которая родилась, когда я училась в университете; я до сих пор с трудом верила в ее существование и часто забывала, как ее зовут. Эмма. И еще Мэриан, которой давно нет в живых.

- Черт возьми, ты когда-нибудь с ними общаешься?

В последний раз звонила на Рождество, после трех стаканов бурбона; разговор получился холодно-вежливый. Я боялась, как бы мать не почувствовала запах виски по телефону.

- В последнее время нет.

- Господи! Прикер, читай хоть иногда телеграммы. Кажется, в августе прошлого года там было совершено убийство? Задушили маленькую девочку!

Я кивнула, как будто знала об этом. Но это была неправда. Из Уинд-Гапа я общалась, хоть и редко, только с матерью, а она мне ничего об этом не рассказывала. Странно.

– А теперь еще один ребенок пропал. Похоже, там орудует маньяк. Поезжай туда, узнай все подробности – напишешь статью. Собирайся. Завтра утром ты должна быть в Уинд-Гапе.

Ни за что.

– Карри, мы ведь пишем не триллеры.

– Да, но пишем не только мы. Есть еще три конкурирующие газеты – у них и сотрудников, и денег в два раза больше, чем у нас. – Он провел рукой по волосам, и они обвисли безжизненными прядями. – Нас вечно опережают, и мне это надоело. Это наш шанс рассказать что-то интересное. Значительное.

Карри считает, что стоит только опубликовать «правильную» статью, как мы тут же станем самой популярной газетой в Чикаго и получим всеобщее признание. В прошлом году редакция другой газеты – не нашей – отправила корреспондента в его родной город, куда-то в Техас, где во время весеннего половодья утонули несколько подростков. Тот написал информативную, хотя и грустную статью, в которой рассказал о причинах наводнения и выразил искреннее соболезнование, упомянул баскетбольную команду, потерявшую трех лучших игроков, и посетовал на низкую квалификацию работников морга, которые не смогли привести останки ребят в надлежащий вид. Автор статьи получил Пулицеровскую премию.

Но мне все равно не хотелось туда ехать. Так отчаянно не хотелось, что я вцепилась в подлокотник кресла, как будто Карри мог вытряхнуть меня силой. Он сидел и несколько мгновений смотрел на меня глазами цвета виски. Потом откашлялся, взглянул на фотографию жены и мягко улыбнулся, словно врач, который собирается сообщить неприятную новость. Карри любил поорать – считал, что таким и должен быть редактор старой закалки, – и все-таки он один из самых порядочных людей, которых я когда-либо знала.

– Послушай, детка, не можешь – значит не можешь. Но думаю, тебе бы пошло это на пользу. Выясни, что произошло. Поезжай. Это очень интересный материал, нам он нужен. Тебе он нужен прежде всего.

Карри всегда возлагал на меня большие надежды. Он думал, что я буду его лучшим репортером, говорил, что у меня неординарное мышление. В течение

двух лет работы я с удивительным постоянством не оправдывала его ожиданий. Сейчас, сидя напротив него за столом, я чувствовала, что он ждет от меня поддержки. Я кивнула, стараясь выглядеть уверенно.

- Пойду собираться.

На кресле от моих рук остались влажные следы.

Домашних питомцев у меня не было – волноваться не за кого, цветы я тоже не развожу – не нужно просить соседей их поливать. Я положила в сумку одежды на пять дней, не сомневаясь в том, что приеду из Уинд-Гапа до выходных. Когда перед выходом окинула взглядом квартиру, она предстала передо мной в истинном свете. Дешевое и неудобное временное жилье – можно подумать, студенческое. Я решила, что по возвращении куплю себе приличный диван, в награду за потрясающую статью, которую непременно напишу.

На столе у двери фотография, где я держу на руках Мэриан. Мне лет двенадцать, ей около семи. Мы смеемся, я зажмурилась, ее глаза широко открыты от удивления. Я крепко прижимаю Мэриан к себе, ее короткие худенькие ножки не достают мне до колен. Не помню, над чем мы смеялись. С годами это стало приятной тайной. Пожалуй, не хотелось бы знать ее теперь.

Я всегда принимаю ванну, душ не люблю. Терпеть не могу тонкие струйки воды, от которых у меня мурашки по телу, как от электрического разряда. Поэтому в душевой кабинке я заткнула сливную решетку тонким гостиничным полотенцем, повернула душ к стене и села в неглубокую лужицу, образовавшуюся на полу. Рядом плавали чьи-то лобковые волосы.

Я вышла из кабинки. Второго полотенца не было, поэтому я побежала к кровати и вытерлась дешевым рыхлым одеялом. Затем выпила стакан теплого бурбона, проклиная сломанный аппарат для льда.

Уинд-Гап в одиннадцать часов езды к югу от Чикаго. Карри любезно выписал командировочные, чтобы хватило на одну ночь в мотеле и на завтрак – если поедем в закусочной на бензозаправке. Но в городе я поживу у матери. Так он за

меня решил. Я заранее знала, как мать меня встретит. На мгновение растеряется, всполошится, поправит волосы, неловко обнимет меня, прижав скорее к плечу, чем к груди. Извинится за беспорядок, которого нет. Вежливо поинтересуется, когда уеду.

– Ты к нам надолго, дорогая? – спросит она. Другими словами: «Когда ты уберешься отсюда?»

Ее вежливость обижает больше всего.

Пора бы подготовить несколько вопросов для интервью. Но я выпила еще бурбона, проглотила таблетку аспирина и погасила свет. Под убаюкивающее журчание кондиционера и электрическое потрескивание из соседнего номера, где кто-то играл в видеоигру, я заснула. До моего родного города оставалось тридцать миль, но в эту ночь думать о нем не хотелось.

Утром вместо завтрака я вдохнула запах несвежих пончиков с вареньем и продолжила путь к югу. Становилось все жарче. По обеим сторонам дороги стоял густой лес. Эта часть долины Миссури зловеще однообразна: едешь по узкому шоссе, а по бокам только мрачный лес, на многие мили. Куда ни кинь взгляд – все одно и то же.

Издали Уинд-Гап не видно: самый высокий его дом – трехэтажный. Но через двадцать минут я поняла, что скоро приеду: показалась знакомая бензозаправка. Перед входом в здание сидели несколько полуголых мальчишек-подростков со скучающим видом. Рядом, возле старого пикапа, стоял малыш в подгузнике и пригоршнями бросал в воздух мелкие камешки, пока его мать заправляла бак. Ее волосы были покрашены в золотистый цвет, но отросшие темные корни доходили до самых ушей. Пока я проезжала, она что-то кричала мальчишкам, слов я не разобрала. Вскоре лес начал редеть. Длинной, словно наспех намалеванной полосой промелькнул торговый центр с соляриями, вслед за ним – оружейный магазин и магазин тканей. Потом – кучка старых домов, образующих тупик, – когда-то начали строить поселок и бросили. И вот наконец сам город.

Проезжая вывеску «Добро пожаловать в Уинд-Гап!», я почему-то задержала дыхание, как девочка, охваченная испугом при виде кладбища. После моего

отъезда прошло восемь лет, но все здесь оставалось до боли знакомым. Если свернуть на ту дорогу, я окажусь перед домом бывшей монахини, которая учила меня играть на фортепиано в начальной школе. У нее неприятно пахло изо рта. Другая дорога ведет в маленький парк, где однажды, жарким летним днем, я выкурила первую в жизни сигарету. А вон тот бульвар ведет к Вудбери, там больница.

Я решила поехать сразу в полицейский участок. Он притулился в конце Главной улицы – так и называется главная улица Уинд-Гапа, ей-богу. На ней есть салон красоты, скобяная лавка, хозяйственный магазин (под вывеской «Хозяйственный магазин») и библиотека в двенадцать стеллажей. Еще «Одежда от Кэнди», где продаются джемперы, водолазки и свитера с изображением уток и домиков. Лучшие женщины Уинд-Гапа – в основном учительницы, домохозяйки с детьми и продавщицы таких магазинов, как «Одежда от Кэнди». Может быть, через несколько лет в городе откроют кофейню «Старбакс», и тогда у него появится стиль, которого так не хватает, – популярный, фасованный, рекомендованный специалистами. А пока тут хотя бы есть дешевая закусочная, принадлежащая одной семье, не помню фамилии.

На Главной улице было пусто – ни машин, ни людей. По тротуару бежала собака, но никто ее не звал, хозяина поблизости не было. На всех фонарных столбах – зернистые фотокопии портрета девочки, приклеенные желтым скотчем. Припарковав машину, я сорвала один листок, криво прилепленный на высоте детского роста. Объявление было написано от руки, сверху – жирными буквами, похоже, несмываемым фломастером. Заголовок: «Пропал ребенок». С фотографии смотрела темноглазая девочка с непомерно большой шевелюрой. Шкодливая улыбка, в глазах чертики. Учителя наверняка считают ее трудным ребенком. Мне она понравилась.

Натали Джейн Кин

10 лет

Ушла из дома 11 мая.

В последний раз ее видели в парке Якоб Дж. Гаретт; была одета в голубые джинсовые шорты и красную полосатую футболку.

Если вы знаете о местонахождении девочки или владеете какой-либо информацией, пожалуйста, позвоните по телефону: 555-7377.

Я надеялась в полицейском участке услышать, что Натали Джейн нашли, целой и невредимой. Может быть, она заблудилась в лесу, вывихнула ногу или сбежала из дома, а потом передумала и вернулась. Тогда я бы села в машину, уехала в Чикаго и больше ничего не стала выяснять.

Переулки были пустыни – половина жителей ушла на поиски в лес, расположенный в северной части города. Секретарь разрешила мне подождать начальника полиции Билла Викери, который скоро должен был прийти на обед. Обстановка в комнате ожидания была фальшиво-уютной, как в приемной стоматолога. Я села в оранжевое кресло и стала листать рекламный каталог. В розетке на стене шипел электрический освежитель воздуха, распространяя запах, который, по мнению производителя, должен напоминать летний бриз, но чувствовался почему-то только едкий запах нагретой пластмассы. Через полчаса я просмотрела три журнала и начала испытывать тошноту от «летнего бриза». Когда Викери наконец пришел, секретарша кивнула в мою сторону и прошептала с лютым отвращением: «Пресса!»

Викери оказался дядюшкой лет пятидесяти, худым и взмокшим. Влажная рубашка прилипла к груди, а форменные брюки сморщились – на том месте, где должен быть зад.

– Пресса? – уставился он на меня сквозь увеличительные линзы бифокальных очков. – Какая пресса?

– Господин Викери, я Камилла Прикер, корреспондент чикагской газеты «Дейли пост».

– При чем здесь Чикаго? Каким ветром вас сюда занесло?

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов о девочках, Натали Кин и той, которая была убита в прошлом году.

– Господи, как вы только об этом узнали? Боже мой!

Он посмотрел на секретаря и перевел взгляд на меня, словно подозревая нас в сговоре. Потом жестом пригласил пройти за ним.

– Руфь, если мне будут звонить, я занят.

Секретарша удивленно вытаращила глаза.

Билл Викери провел меня по коридору, на стенах которого, обшитых деревянными панелями, в шахматном порядке были развешены дешевые рамки с фотографиями форели и лошадей, и мы вошли в кабинет – маленькую каморку без окна, уставленную досье в железных папках. Он сел и закурил. Мне сигарету не предложил.

– Мисс Паркер, я не хочу, чтобы это дело получило огласку. Не буду говорить на эту тему.

– Господин Викери, боюсь, что выбора нет. Убийца на свободе, дети в опасности. Люди должны об этом знать.

Эти громкие слова, полные праведного гнева, я заготовила в машине, по пути сюда.

– А вам-то что? Это наши дети и наши проблемы. – Он встал, снова сел и переложил бумаги на столе. – Смею заметить, никто из Чикаго еще ни разу не интересовался детьми Уинд-Гапа. – Его голос дрогнул.

Викери затянулся сигаретой, покрутил толстое розоватое золотое кольцо на пальце и часто заморгал. Мне вдруг показалось, что он вот-вот заплачет.

– Вы правы. Возможно, раньше никто. Послушайте, мы ведь не будем спекулировать горем. Нужно просто предупредить людей об опасности. Если вам станет от этого легче, я из Уинд-Гапа.

«Ну что же, Карри! Посмотрим, сработает ли ваша задумка».

Он вгляделся мне в лицо.

– Как ваша фамилия?

– Прикер. Камилла Прикер.

– А почему я вас не знаю?

– Никогда не попадала в полицию, сэр. – Я слабо улыбнулась.

– У родителей та же фамилия?

– Моя мама вышла замуж и сменила фамилию двадцать пять лет назад. Адора и Алан Креллин.

– Их я знаю.

Немудрено: их знают все. Не так уж много в Уинд-Гапе богатых – действительно богатых.

– И все-таки я не хочу, чтобы вы о нас писали, мисс Прикер. Вы представляете, что за... дурная слава о нас пойдет после вашей статьи?

– А может, это станет как раз полезной рекламой, – предположила я. – Такое бывало.

Викери секунду сидел молча, задумчиво созерцая смятый бумажный пакет с обедом, задвинутый в угол стола. Судя по запаху, там должна быть болонская колбаса. Потом что-то пробормотал про Джонбенет[4 - Рэмси, Джонбенет – победительница детских конкурсов красоты в США, убитая в возрасте шести лет. Странное имя получилось из слияния первого и второго имен ее отца, Джона Беннета Рэмси.] и «всякое дерьмо».

– Спасибо, нет, мисс Прикер. Я не буду об этом говорить. Тайна следствия разглашению не подлежит. Так и напишите, если хотите.

– Послушайте, я имею право задавать вам вопросы. Давайте договоримся: вы мне что-нибудь расскажете, хоть что-нибудь, и я на некоторое время оставлю вас в покое. Не хочу мешать вам работать. Но ведь и я пришла сюда не из праздного любопытства! – Эту фразу я тоже отрепетировала заранее, находясь где-то в окрестностях Сент-Луиса.

Я вышла из полицейского участка с фотокопией карты Уинд-Гапа, на которой начальник полиции Викери отметил крестиком то место, где в прошлом году было обнаружено тело убитой девочки.

Энн Нэш, девять лет, найдена двадцать седьмого августа в реке Фолз, бурливой речушке с бугристым дном, которая течет по Северному лесу. Двадцать шестого августа, в тот день, когда она пропала, поисковая группа с наступлением ночи прочесала лес. Но девочку нашли охотники, в шестом часу утра. Ее задушили около полуночи простой бельевой веревкой, дважды обмотанной вокруг шеи. Потом бросили в реку, обмелевшую после долгой летней засухи. Вербка зацепилась за большой камень, и труп всю ночь плавал по медленному течению. Энн Нэш хоронили в закрытом гробу. Это все, что Викери мне рассказал. Чтобы выудить из него эту малость, я целый час задавала ему вопросы.

Я зашла в библиотеку и с платного телефона набрала номер, указанный в объявлении. Голос пожилой женщины в трубке сообщил, что я позвонила на «горячую линию по розыску Натали Кин», хотя на заднем плане слышался гул посудомоечной машины. Женщина сказала, что, насколько ей известно, поиски девочки в Северном лесу еще продолжаются. Все желающие присоединиться к поисковой группе должны подойти к месту сбора на подъездной дороге и принести с собой воды – погода будет очень жаркой.

В назначенном месте, на солнечной поляне, я увидела четырех белокурых девочек. Они сидели на полотенцах, словно пришли позагорать, но в их позе чувствовалось напряжение. Они указали мне тропинку и велели идти по ней до тех пор, пока не догоню поисковую группу.

– Зачем вы сюда пришли? – спросила самая хорошенькая девочка.

Ее покрасневшее от солнца лицо было по-детски припухлым, волосы убраны в два хвоста и в них вплетены банты, но у нее была грудь взрослой женщины –

удачливой женщины, – и она с гордостью выставляла ее вперед. Девочка улыбнулась мне как старой знакомой, хотя этого быть не могло: когда я была в Уинд-Гапе в последний раз, она еще и в школу не ходила. Впрочем, ее лицо мне тоже показалось знакомым. Ну что же, может, это дочь кого-то из моих одноклассников. Допустим, кто-то женился сразу же после окончания школы. Не исключено.

– Хочу помочь волонтерам, – ответила я.

– Ясно, – сказала она с усмешкой и стала отковыривать лак на пальчиках ног, потеряв ко мне интерес.

Я пошла по дороге, усеянной горячим гравием, поскрипывающим под ногами, потом свернула в лес, где было еще жарче. Воздух был влажным, как в джунглях. Ноги путались в ветках золотарника и дикого сумаха, а летающий повсюду тополиный пух набивался в рот и прилипал к рукам. Мне вдруг вспомнилось, что в детстве мы называли его волшебными перышками.

Вдали слышались голоса; их нестройный хор на все лады выкрикивал имя Натали. Я ускорила шаг и через десять минут увидела волонтеров – их было человек сорок, они шли, растянувшись в цепочки, раздвигая палками кусты перед собой.

– Добрый день! Что нового? – окликнул меня мужчина с большим пивным брюхом, заметив меня первым. Я свернула с тропинки и подошла к нему, продираясь сквозь деревья.

– Чем могу помочь? – спросила я, поборов желание немедленно достать блокнот.

– А просто идите рядом, – предложил он. – Лишний человек не мешает. Тем быстрее обойдем лес.

Несколько минут мы шли молча. Мой попутчик то и дело останавливался, заходясь тяжелым мокрым кашлем.

– Иногда я думаю, что этот лес надо сжечь, – вдруг заявил он. – В нем только беды происходят. Вы друг семьи Кин?

- По правде говоря, я репортер «Чикаго дейли пост».

- Ах вот что... Пишете статью?

Внезапно сквозь лесную чащу прорвался вопль. «Натали!» – надрывался девичий голос. Мы бросились на крик; мои ладони покрылись испариной. Нам навстречу выскочило несколько темных силуэтов. Мимо пробежала светловолосая девочка-подросток с красным заплаканным лицом. Спотыкаясь как пьяная, она добрела до дороги, не переставая звать Натали, откинув голову назад, словно искала ее на небесах. За девочкой пошел пожилой мужчина. Поравнявшись с ней, он приобнял ее за плечи и повел из леса. Видимо, отец.

- Натали нашли? – спросил мой попутчик.

Все покачали головами.

- Бедняжка, наверное, просто испугалась, – сказал другой мужчина. – Нервы сдали. Девочкам вообще лучше в лес сейчас не ходить.

Он многозначительно посмотрел на меня, потом снял бейсболку, вытер лицо платком и снова стал ощупывать палкой траву.

- Печальный труд, – сказал мой попутчик. – Печальное время.

Мы медленно продолжали путь. Я оттолкнула ногой ржавую пивную банку, потом еще одну. На уровне глаз пролетела птица и взмыла к верхушкам деревьев. Вдруг мне на запястье прыгнул кузнечик.

«Этот страшный лес словно заколдован», – подумалось мне.

- Не возражаете, если я спрошу, что вы думаете по поводу случившегося? – Я достала блокнот и помахала им у него перед глазами.

- Сомневаюсь, что смогу вам рассказать что-то новое.

- Просто выскажите свои предположения. Пропали две девочки – здесь, в маленьком городке...

– Ну, не факт, что эти случаи связаны между собой. Если только вы не знаете что-то, чего не знаю я. Мы надеемся найти девочку целой и невредимой. Еще и двух дней не прошло.

– Кто, по вашему мнению, убил Энн? – спросила я.

– Видимо, какой-то псих, ненормальный. Шел по городу, забыл принять таблетки, стали чудиться голоса.

– Почему вы так думаете?

Он остановился, достал из заднего кармана пачку жевательного табака, засунул за щеку большую щепотку и принялся долго жевать, до тех пор, пока не смог говорить. У меня даже скулы свело от сочувствия.

– Разве нормальный станет выдергивать зубы изо рта мертвого ребенка?

– Он вытащил у нее зубы?

– Все, кроме куска молочного коренного, самого дальнего.

Через час, не узнав больше ничего нового, я попрощалась со своим попутчиком, Рональдом Кэмензом («Только напишите мой средний инициал Дж.», – попросил он), и пошла в южном направлении, к тому месту, где в прошлом году было найдено тело Энн. Крики «Натали!» стихли минут через пятнадцать, а еще через десять послышалось звонкое журчание – я приближалась к реке Фолз.

Трудно было бы нести ребенка через эту чащу. Свободной дороги нет, кругом ветки и листва, из земли торчат корни. Если Энн была типичной уиндгапчанкой, уроженкой города, где в цене женственность, то, скорее всего, она носила длинные распущенные волосы, которые путались бы в кустах. Мне даже привиделись блестящие пряди на ветках, но оказалось, что это паутина.

В том месте, где был найден труп, трава была еще примята – ее прочесывали граблями в поисках улик. На земле валялись несколько свежих окурков, брошенных любопытными бездельниками. Представляю, как подростки со скуки пугали друг друга, изображая маньяка с пригоршней окровавленных зубов.

Раньше на дне реки были камни – за них зацепилась веревка, которой удушили Энн, из-за чего девочка полночи плавала привязанной, как буюк. Теперь сквозь прозрачную воду виднелось лишь гладкое песчаное дно. Рональд Дж. Кэменз с гордостью рассказал, что камни вытащили местные жители, погрузили в пикап, вывезли за город и там раздробили. Таким образом дали волю отчаянию, выплеснули гнев, надеясь изгнать из города зло. По-видимому, безрезультатно.

Я села на берег, провела ладонями по каменистой почве. Взяла гладкий, горячий камень и прижала к щеке. Интересно, приходила ли сюда Энн при жизни? Может, нынешние дети Уинд-Гапа коротают летние дни иначе, чем мы. Мы в детстве купались в низовье реки, в мелководном заливе среди огромных плоских камней. Там водились раки, и мы с визгом подскакивали всякий раз, когда задевали их ногой. Ни купальников, ни плавок не носили – слишком много возни. Помню, как ехала домой на велосипеде в мокрых шортах и майке, трясая головой, как промокшая собака.

Иногда мальчики постарше, вооружившись дробовиком и прихватив украденного пива, уходили в чащу леса пострелять белок-летяг или зайцев. Потом они возвращались с добычей: с их ремней свисали истекающие кровью тушки. Эти дерзкие мальчишки, пахнущие пивом и по?том, нарочито не обращали на нас внимания и возбуждали во мне жгучее любопытство. Теперь я знаю, что охотники бывают разными. Есть, например, охотники-джентльмены, вдохновленные примером Тедди Рузвельта[5 - Теодор Рузвельт – президент США в 1901–1909 гг., славился своей страстью к охоте.], которые, отработав в поле, идут на крупную дичь, взяв с собой холодную бутылку джина с тоником, – но мое детство прошло не с такими. Знакомые мне мальчики начали охотиться рано и привыкли получать удовольствие от вида крови. Они, затаив дыхание, наблюдали, как подстреленный зверь содрогается в предсмертных конвульсиях, потом как подкошенный падает на бок.

Когда я училась в школе, может лет в двенадцать, я забрела в охотничью хижину соседского мальчишки, дощатый сарай, где юный охотник разделывал туши и сдирал с них шкуры. На веревках висели клочья сырого розового мяса – вялились. Грязный пол заляпан кровью. Стены увешаны фотографиями обнаженных женщин: некоторые были просто распластаны, другие были сняты в момент соития. Одна женщина связана, взгляд у нее стеклянный. Груды, раскинутые в стороны, – со вздутыми венами. Мужчина берет эту женщину сзади. Мне стало казаться, что в спертом воздухе кровавого сарая витает их запах.

Я вернулась домой с гадким чувством. Ночью, лежа в постели, просунула палец под трусики и, тяжело дыша, впервые в жизни занялась мастурбацией.

Глава вторая

Наконец-то. Решила сделать перерыв и зашла в «Футс», скромный провинциальный бар. Потом я должна была отправиться на Гроув-стрит, 1665, где проживали Бетси и Роберт Нэш, родители Эшли (двенадцать лет), Тиффани (одиннадцать лет), Энн (умершей в возрасте девяти лет) и шестилетнего Бобби.

Долгожданный мальчик появился на свет только после трех дочерей. Потягивая бурбон и похрустывая орешками, я думала о семье Нэш. Какое разочарование, должно быть, испытывали родители, когда у них рождалась очередная дочь! Первой была Эшли – увы, девочка, но миленькая и здоровая. Что ж поделать, они все равно хотели иметь двух детей. Нэш дали дочери странное мальчишечье имя и купили ей ворох платьев с пышными юбками. Помолясь, сделали еще попытку, получилась Тиффани. Это их встревожило, и ребенка привезли домой без прежнего восторга. Когда миссис Нэш забеременела в третий раз, муж купил крошечную бейсбольную перчатку, чтобы намекнуть комочку в ее животе: пусть поймет, кем должен родиться. Нетрудно вообразить, в какой ужас они пришли, когда на свет появилась Энн. Ей дали простое имя, частое в роду, даже без ласкательного «и» – так сойдет.

А потом, к счастью, родился Бобби. Через три года после Энн, третьего разочарования. Может, эта беременность была случайной? Или они решили рискнуть в последний раз? Мальчика назвали в честь отца. Его окружили такой заботой, что дочери стали чувствовать себя лишними. Особенно Энн. Третья девочка не нужна никому. Впрочем, теперь немного внимания ей уделяют.

Я залпом выпила еще один стакан бурбона, расслабила плечи, хлопала себя по щекам и села в свой синий «бьюик», жалея, что не заказала третий стакан. Мне не нравится копаться в чужом белье. Может быть, поэтому я второразрядный репортер. По крайней мере один из них.

Как проехать к Гроув-стрит, я еще помнила. Эта улица находится через два квартала от моей школы, в которую ходили все дети, жившие в радиусе семидесяти миль. Школа имени Милларда Кахуна была основана в 1930 году, когда город еще пытался удержаться на плаву перед Великой депрессией. Школа была названа в честь первого мэра Уинд-Гапа, героя Гражданской войны. Вернее сказать, героя-конфедерата, но это никого не смутило – все же героя. В первый год Гражданской войны г-н Калхун освободил Лексингтон, маленький миссурийский городок, в одиночку сразившись с целым войском янки (если верить вывеске при входе в школу). Он стрелой промчался через фермы и дворы, обнесенные частоколом, по пути учтиво отогнав в сторону зазевавшихся дамочек, чтобы их не покалечили янки. Если вы теперь приедете в Лексингтон и пожелаете осмотреть дом Калхуна, типичное архитектурное сооружение той эпохи, то на стенах дома заметите следы, оставленные пулями северян. Вероятно, пули южан – то есть те, которыми стрелял г-н Калхун, – были похоронены вместе с убитыми им янки.

Сам Калхун умер в 1929 году, во время празднования своего столетия. Он сидел в беседке (которую позднее снесли) на городской площади (ее потом замостили), слушал большой духовой оркестр, игравший в его честь, как вдруг склонился к своей пятидесятидвухлетней жене и сказал: «Слишком громко все это». Потом у него случился инфаркт. Он упал на стол, и по униформе Гражданской войны размазались пирожные, на которых были выложены глазурью звезды и полосы флага Конфедерации.

Я питаю к Калхуну особенно теплые чувства. Он прав: иногда все это и вправду слишком громко.

Дом семьи Нэш оказался примерно таким, как я представляла, – типичная постройка конца семидесятых в стиле ранчо, как и все дома западной части города. Отличительная черта этого простого провинциального жилища – выставленный напоказ гараж. Подъехав к дому, я увидела чумазого белобрысого мальчугана, сидевшего на пластмассовом трехколесном велосипеде, из которого он давно вырос. Малыш, кряхтя от натуги, пытался тронуться с места. Под его тяжестью колеса только крутились вхолостую.

– Хочешь, подтолкну? – предложила я, выходя из машины.

Обычно я с трудом вхожу в контакт с детьми, но сейчас все же рискнула. Молча посмотрев на меня, он засунул палец в рот. Его майка задралась, из-под нее выпрыгнул округлый живот, будто желая познакомиться со мной. Мальчик казался глупым и диковатым. Видимо, с сыном супругам Нэш не повезло.

Я шагнула к нему. Он рывком поднялся с места, чтобы убежать, но сразу с велосипеда спрыгнуть не смог. Так и оставался зажатым в узком седле, пока велосипед с грохотом не отлетел в сторону.

- Папа! - Он с воем неся к дому, будто я его ущипнула.

Когда я подошла к главному входу, на пороге появился мужчина. Я обратила внимание на миниатюрный фонтан, журчавший в прихожей, за его спиной: три яруса-раковины и статуэтка маленького мальчика наверху. Воду в фонтане давно не меняли - запах чувствовался даже через сетчатую дверь.

- Чем могу помочь?

- Вы Роберт Нэш?

Он вдруг насторожился. Возможно, тот же вопрос задал ему полицейский, перед тем как сообщить, что его дочь убита.

- Боб Нэш.

- Прошу прощения, что беспокою вас дома. Меня зовут Камилла Прикер. Я из Уинд-Гапа.

- Хм...

- В настоящее время я работаю в газете «Чикаго дейли пост». Меня интересуют трагические события, которые здесь происходят... Я могу задать вам несколько вопросов о Натали Кин, а также об убийстве вашей дочери?

Я сжалась, ожидая, что он закричит, хлопнет дверью, обматерит меня и даже треснет кулаком. Боб Нэш погрузил руки в карманы и отклонился назад.

– Проходите в спальню, поговорим.

Он впустил меня в дом, и я стала осторожно пробираться через неубранную гостиную, заставленную корзинами с мятыми простынями и детской одеждой. Пройдя мимо ванной, главным украшением которой был пустой валик из-под туалетной бумаги на полу, я продолжила путь по коридору, увешанному поблекшими фотографиями под грязным оргстеклом: на одной три белокурые девчушки стоят возле грудного мальчика, самозабвенно прижавшись друг к другу; на другой молодой Боб Нэш неловко обнимает жену, оба держат нож для свадебного торта. Войдя в спальню, я поняла, почему Нэш пригласил меня сюда: в ней гармонично сочетались шторы и покрывало, стоял аккуратный комод с зеркалом. Эта комната была единственным островком цивилизации в непроходимых зарослях джунглей.

Нэш сел на кровать с одной стороны, я – с другой: стульев не было. Это напоминало начало любительского порнофильма. Только мы держали по стакану «Кул-эйда», которые он принес из кухни. Нэш следил за собой: усы подстрижены, редящие волосы приглажены гелем, ярко-зеленая рубашка поло заправлена в джинсы. Я подумала, что порядок в спальне наводил он. Явно здесь постаралась мужская рука: чисто, но по-холостяцки просто, без изысков.

Вступительных слов произносить не пришлось, за что я была ему благодарна. К чему прелюдии? Это все равно что расшаркиваться друг перед другом, собираясь переспать.

– Прошлым летом Энн каталась на велосипеде, – сразу заговорил он, – ни разу не выезжая за пределы квартала. Мы с женой никуда ее не пускали. Ей ведь было всего девять лет. Мы родители очень осторожные. Но потом, в конце лета, перед самым началом учебного года, жена разрешила ей отъехать немного подальше. Энн хотела съездить к Эмили, своей подружке, и так ныла, что жена все-таки ее отпустила. Но дочка так туда и не доехала. Об этом мы узнали после восьми часов вечера.

– А во сколько она уехала?

– Часов в семь. Так что ее перехватили где-то на этой дороге, у одного из десяти домов. Жена никогда себе этого не простит. Никогда.

– Вы говорите, ее перехватили. Кто это мог быть?

– Понятия не имею. Кем бы он ни был. Мерзавец. Маньяк-детоубийца. Вот так живем тихо и мирно и знать не знаем, что, пока мы спим, пока вы работаете – ездите на машине, готовите репортажи, – здесь рыщет убийца в поисках детей. Ведь мы понимаем, что малышка Кин исчезла не просто так.

Он залпом допил «Кул-эйд» и вытер губы. Хорошие слова, хотя немного напыщенны и вряд ли принадлежат ему. Обычное явление. Чем больше человек смотрит телевизор, тем больше в его речи цитат. Недавно я брала интервью у женщины, чью дочь, двадцати двух лет, только что убил любовник, и она мне выдала строчку из детективного фильма, я его как раз смотрела накануне вечером: «Хотелось бы сказать, что мне его жаль, но боюсь, что теперь я жалеть не смогу никогда».

– Господин Нэш, как вы думаете, не мог ли кто-нибудь убить Энн, чтобы отомстить вам или вашим близким?

– Мисс, я продаю кресла, эргономические кресла, и работаю на телефоне. Иногда выезжаю в Хейти с двумя коллегами. Ни с кем не встречаюсь. Моя жена работает на полставки в канцелярии начальной школы. У нас нет врагов. Нашу девочку кто-то убил просто так. – Последние слова он произнес растерянно: видимо, уже смирился с тем, что придется довольствоваться этим объяснением.

Боб Нэш подошел к стеклянной раздвижной двери сбоку от входа, которая вела к маленькой террасе. Он открыл дверь, но выходить не стал.

– Может, это сделал голубой, – сказал он. Мягко сказано, даже странно.

– Почему вы так думаете?

– Она не была изнасилована. Все говорят, для такого убийства это нетипично. А я думаю, что нам хотя бы в этом повезло. Убил, но не изнасиловал – уже хорошо.

– Следов покушения на изнасилование не обнаружено? – спросила я шепотом, как можно мягче.

– Нет, никаких. Ни синяков, ни порезов, ни каких-либо других признаков... пытки. Ее просто задушили. И выдернули зубы. Про изнасилование я глупость сказал. Вы понимаете, что я имел в виду. Не обращайтесь внимания.

Я промолчала, затаив дыхание. В моем диктофоне, тихо жужжа, крутилась кассета; в стакане Нэша позвякивал лед, с улицы раздавался глухой стук мяча – в соседнем дворе кто-то играл в волейбол, пока солнце еще не скрылось за горизонтом.

– Папа! – В приоткрытую дверь спальни заглянула миловидная девочка с длинными белокурыми волосами до талии, собранными в хвост.

– Не сейчас, солнышко.

– Я есть хочу.

– Приготовь что-нибудь. Возьми вафли из морозилки. И Бобби покорми.

Девочка немного постояла, потупив взгляд в ковер на полу, потом тихо закрыла дверь.

«Интересно, где их мать?» – подумала я.

– Вы были дома, когда исчезла ваша дочь?

Он резко качнул головой и цокнул языком.

– Нет. В тот вечер я возвращался из Хейти. Дорога занимает около часа. Я не убивал Энн.

– Я не это имела в виду, – солгала я. – Просто хотела узнать, не видели ли вы ее в тот вечер.

– Видел утром, – сказал он. – Не помню, разговаривали ли мы с ней. Может, и нет. Представляете, что такое четверо детей, да еще и с утра, – с каждым не пообщаешься.

Нэш все мешал в стакане лед, который уже превратился в кашу. Потом провел пальцем по щетинистым усам.

– Эта история покрыта тайной, ясность так никто и не внес, – сказал он. – Викери вечно загружен какими-то другими делами. Из Канзас-Сити прислали одного высокопоставленного следователя. Но он молод и спесив. Все считает дни, когда сможет отсюда уехать. Хотите фото Энн? – спросил он.

Так легко обычно предлагают что-нибудь ненужное. Он достал из бумажника школьную фотографию девочки: широкая кривая улыбка, светло-каштановые волосы, неровно подстриженные выше подбородка.

– Жена хотела накрутить ей волосы на бигуди, вечером накануне того дня, когда детей фотографировали в школе. А Энн вдруг взяла и обкромсала их. Своевольная была девочка. Чистый бесенок. Я даже удивлен, что убийца выбрал ее. Ведь самой красивой всегда была Эшли. На нее обращают больше внимания. – Он взглянул на фотографию еще раз. – С Энн, должно быть, пришлось повозиться.

Когда я собралась уходить, Нэш дал мне адрес подруги, к которой поехала Энн в вечер убийства. Я медленно проехала вдоль домов с квадратными дворами. Эти кварталы западной части города были относительно новыми. Особенно если судить по сочно-зеленому цвету газона. Каких-нибудь лет тридцать назад на нем раскатали рулон газонной травы, куда лучше той темной, жесткой и колючей, что растет перед маминым домом. Она разве что на свистульки годится. Расщепишь травинку посередине, дунешь в нее – свистит. Так и свистишь, пока губы не зачешутся.

Энн Нэш должна была доехать до дома подруги от силы за пять минут. Прибавим еще десять минут на тот случай, если она поехала более длинным путем, надеясь покататься подольше, раз ей выпала такая возможность. Конечно, девятилетнему ребенку быстро надоест наворачивать круги по одному и тому же кварталу. Кстати, интересно, куда делся велосипед?

Медленно проехала мимо дома Эмили Стоун. Сумерки сгущались, и свет уже зажгли, так что я успела увидеть силуэт девочки, промелькнувшей в окне. Держу пари, что ее родители признаются своим друзьям: «Теперь мы обнимаем ее перед сном чуть сильнее, чем прежде». Эмили наверняка строит догадки о

том, в каком месте ее подругу схватили и потащили убивать.

Я тоже об этом думала. Выдрать двадцать с лишним зубов – нелегкий труд, хоть жертва была и маленькой, и бездыханной. Преступник, очевидно, сделал это в другом, более укромном месте, где можно было остановиться и перевести дыхание.

Я посмотрела на фотографию, углы которой загнулись, будто желая защитить Энн. Своей бунтарской стрижкой и насмешливой улыбкой она напоминала Натали. Эта девочка мне тоже понравилась. Я спрятала фотографию в бардачок. Потом приподняла рукав блузки и на внутренней стороне запястья написала ручкой ее полное имя: Энн Мари Нэш.

Чтобы развернуться, мне было нужно подъехать к какому-нибудь дому, но я этого делать не стала. Местным жителям и так тревожно, не хватало только неизвестных машин, разъезжающих у них под окнами. Поэтому я сразу повернула налево и поехала к маме более длинным путем. Я подумала, не стоит ли ей позвонить, и в трех кварталах от ее дома решила этого не делать. Поздно звонить, ни к чему эта фальшивая куртуазность. Вы же не станете выяснять, можно ли пересечь государственную границу, после того как ее перешли.

Мама живет в большом доме, расположенном в самой южной части Уинд-Гапа, в богатом районе, если три квартала можно считать районом. Этот дом, где я провела детство, – изысканный викторианский особняк с характерными для своей эпохи элементами, такими как «вдовья площадка» [б - Площадка с перильцами на крыше дома.], опоясывающая терраса, летняя веранда с тыльной стороны и купол на крыше. В нем много уютных уголков и закутков, удаленных друг от друга. Люди в XIX веке, особенно на юге, старались держаться подальше друг от друга, чтобы не заразиться туберкулезом и гриппом, поэтому дома строили большие, ведь не так просто оградиться от похоти и страсти, опасных чувств. Лишняя комната или пристройка не помешает.

Мамин дом стоит на вершине очень крутого холма. Туда можно проехать на первой скорости по старой, растрескавшейся дороге и поставить машину под навес. Также можно припарковаться внизу и подняться к дому по лестнице из шестидесяти трех ступенек, левой рукой держась за перила – тонкие, не толще сигареты. В детстве я всегда поднималась к дому по лестнице, а вниз сбегала по

дороге. Полагала, что перила установлены слева, если идти вверх, специально для меня, потому что я левша, – значит, кто-то обо мне позаботился. Странно, что мне приходили в голову такие самонадеянные мысли.

Я поставила машину внизу, чтобы мой приезд не выглядел внезапным вторжением. Пока поднималась к дому, взмокла. Прежде чем позвонить в дверь, подняв волосы, обмахнула затылок и несколько раз оттянула от тела кофточку. На подмышках блузки лазурного цвета остались неприличные пятна. Мама еще скажет, что от меня разит.

Нажала кнопку звонка. Послышалось «дин-дон». Когда я была маленькой, звонок звучал пронзительным свистом, теперь же тональность поменяли. Новый звук напоминал сигнал из аудиокниг для детей, означающий, что пора перевернуть страницу. Было 9:15 – довольно поздно; может, они уже легли спать.

– Кто там? – слышался за дверью высокий мамин голос.

– Мама, привет! Это Камилла, – ответила я, стараясь сдержать волнение.

– Камилла? – Мама открыла дверь и появилась на пороге; она не казалась удивленной и даже не обняла меня, хотя бы неловко, как я ожидала. – Что-то случилось?

– Нет, мама, ничего. Я приехала по делу.

– Вот как... По делу? Ох, господи, извини, дорогая. Входи, входи. Правда, боюсь, что дом выглядит неприлично – тут такой беспорядок...

Но с порога было видно – в доме все безупречно. Прихожую украшало несколько букетов садовых тюльпанов в вазах. В воздухе было столько пыльцы, что у меня заслезились глаза. Мама, конечно, не стала спрашивать, по каким делам я приехала в Уинд-Гап. Она редко задавала вопросы, требующие развернутого ответа. Трудно понять почему: то ли из чрезмерной деликатности, то ли ее просто мало что волновало. Угадайте, что я считала наиболее вероятным?

– Камилла, хочешь чего-нибудь выпить? Мы с Аланом пьем сейчас «Амаретто сауэр». – Она показала бокал, который держала в руке. – Я добавила в него

немного «спрайта», чтобы подсластить. Могу еще предложить мангового сока, вина, сладкого чая или воды со льдом. Или содовой. Где ты собираешься жить?

– Странный вопрос. Я надеялась, что поживу здесь. Всего несколько дней.

Небольшое замешательство; ее длинные ногти, покрашенные прозрачным розовым лаком, цокнули по бокалу.

– Ну конечно, вот и прекрасно. Жаль, что ты не позвонила. Просто чтобы меня предупредить. Тогда бы тебе ужин приготовили, а то и угостить нечем. Иди поздоровайся с Аланом. Мы с ним сидим на веранде за домом.

Она пошла по коридору, оставаясь на виду, – из гостиных и библиотек, расположенных с обеих сторон, лился яркий белый свет. Я не сводила с мамы глаз. В последний раз мы виделись с ней год назад. Я перекрасила волосы, из рыжего в каштановый, но она, кажется, этого не заметила. Она совсем не изменилась, а впрочем, выглядела чуть старше меня теперешней, хотя ей уже под пятьдесят. Матово-бледное лицо, длинные светлые волосы и голубые глаза – похожа на красивую куклу, которую хранят так бережно, что никто с ней не играет. На ней было длинное розовое хлопковое платье и белые домашние туфли. Она вертела в руках бокал с коктейлем, но не пролила ни капли.

– Алан, Камилла приехала. – Она скрылась в кухне (в доме их две, основная – большая, другая маленькая) и загремела лотком для льда.

– Кто?

Я выглянула из-за угла и улыбнулась:

– Камилла. Прошу прощения, что приехала без звонка.

Глядя на маму, можно вообразить, что ее муж – какой-нибудь бывший футболист-рекордсмен. Она хорошо смотрелась бы с усатым атлетом огромного роста. Но Алан был худым как щепка, с высокими острыми скулами и раскосыми глазами. Так и хотелось положить его под капельницу. Одевался он всегда вычурно, даже для банальных семейных посиделок за бокалом коктейля. Сейчас он был в белых шортах сафари, из которых торчали его тощие как спички ноги, и

светло-голубом свитере, надетом поверх жесткой, плотной рубашки. Он никогда не потел. Щепка влаги не выделяет.

– Камилла... Вот приятный сюрприз... Очень рад, – протяжно произнес он без всякого выражения. – В такую даль, но все-таки добралась. Я уж думал, у тебя мораторий на все, что южнее Иллинойса.

– Я здесь по работе на самом деле.

– По работе... – Он улыбнулся. Это уже звучало почти как вопрос.

Вошла мама, теперь ее волосы были перевязаны голубой лентой с бантом – настоящая Венди Дарлинг[7 - Венди Дарлинг – персонаж книги Дж. Барри «Питер Пэн», девочка с короткими черными волосами, которая носит розовое платье и венок из цветов.], только взрослая. Она вручила мне холодный бокал шипучего коктейля, погладила меня по плечу и села рядом с Аланом – поближе к нему, но подальше от меня.

– Знаете про тех девочек, Энн Нэш и Натали Кин? – пояснила я. – Я буду писать о них статью.

– Ох, Камилла, – перебила меня мама, глядя в сторону.

Сразу видно, когда мама нервничает. У нее есть странная привычка дергать свои ресницы. Иногда они выпадают. В самые тяжелые времена, когда я была ребенком, у мамы совсем не оставалось ресниц на красных и влажных глазах, воспаленных, словно у подопытного кролика. Они всегда слезились зимой, когда мама выходила на улицу, что, впрочем, случалось нечасто.

– Такое мне дали задание.

– Господи, ну и задание, – вздохнула она, и ее пальцы запорхали вокруг глаз. Коснувшись нижних век, она одумалась и положила руки на колени. – Родителям и так тяжело, а ты лезешь к ним с вопросами, чтобы потом растрезвонить о их беде на весь свет. «Уинд-Гап убивает своих детей!» – тебе хочется, чтобы люди думали это?

– Один ребенок убит, другой бесследно исчез. Да, я должна оповестить людей – такая у меня работа.

– Камилла, я знала этих детей. Пойми, что мне сейчас очень тяжело. Милые малышки... Кто мог их убить?

Я отпила коктейля. На зубах захрустел сахарный песок. Я не была готова разговаривать с мамой. По спине побежали мурашки.

– Я ненадолго приехала. Правда.

Алан подвернул рукава свитера, расправил шорты. В этом обычно и состояло его участие в наших беседах: то воротник расправит, то ногу на ногу положит.

– Мне просто невыносимо об этом слышать, – сказала мама. – Бедные дети. Не надо мне рассказывать, чем ты занимаешься, не пересказывай того, что знаешь. Будем считать, что ты приехала на летний отдых. – Она провела пальцем по спинке плетеного стула, на котором сидел Алан.

– Как поживает Эмма? – решила я сменить тему.

– Эмма? – Вдруг мама забеспокоилась, будто вдруг вспомнила, что где-то оставила своего ребенка. – Нормально, она спит наверху. А что?

Судя по скачкам, доносившимся со второго этажа – из игровой комнаты в швейную мастерскую, оттуда – в столовую, к окну, из которого было хорошо видно веранду с тыльной стороны дома, – Эмма, конечно же, не спала, но я не сердилась на нее за то, что она меня избегает.

– Просто из вежливости, мам. Мы на севере тоже не грубияны.

Я улыбнулась, чтобы смягчить шутку, но она спрятала лицо, склонившись над бокалом. Потом выпрямилась, порозовевшая и полная решимости.

– Оставайся сколько хочешь, Камилла, в самом деле, – сказала она. – Но будь помягче с сестрой. Эти девочки учились с ней в одной школе.

– Я с удовольствием с ней пообщаюсь, – пробурчала я. – Очень ей сочувствую.

В последних словах была ирония, но мама ее не заметила.

– Будешь спать в комнате рядом с гостиной, своей бывшей комнате. Там есть ванна. Я куплю свежих фруктов и зубную пасту. И бифштексов. Ты любишь бифштексы?

Четыре часа плохого сна. В ушах гул – будто лежишь в ванне, наполовину погрузив голову под воду. Каждые двадцать минут вскакиваю, сердце бьется так, что кажется, будто от его стука я и проснулась. Мне снилось, я собираюсь в дорогу и вдруг понимаю, что положила в чемодан ненужные вещи – теплые свитера вместо летних платьев. Потом снилось, что вместо статьи про Тэмми Дэвис и ее несчастных детей, брошенных взаперти, я отдала Карри рекламный материал о косметическом средстве – его и будем публиковать.

А еще снилось, что мама отрезает от яблока толстые куски мяса и дает мне их по одному, медленно и ласково, потому что я умираю.

В шестом часу утра я решительно сбросила с себя одеяло.

Смыла с запястья имя Энн, но пока одевалась, причесывалась и красила губы, зачем-то написала на том же месте имя Натали Кин. Решила оставить его на счастье. Когда я вышла из дома, солнце только всходило, но дверь машины была уже горячей. С недосыпа лицо было онемевшим, и, чтобы окончательно проснуться, я широко раскрыла глаза и рот, как героиня дешевого фильма ужасов. В шесть утра волонтеры собиралась продолжить поиски в лесу, и я хотела побеседовать с Викери. Подумала, что прежде всего важно проследить за работой полиции.

Главная улица сначала показалась мне безлюдной, но, выйдя из машины, я увидела метрах в ста от себя двух человек. Странная сцена. Посреди тротуара сидела пожилая женщина, ноги в стороны, глаза широко раскрыты, голова повернута к торцу дома, а рядом, склонившись над ней, стоял мужчина. Женщина часто трясла головой, как ребенок, который отказывается есть суп. Поза неестественная – ей, наверно, больно так сидеть. Может, упала и покалечилась. А может, сердечный приступ. Я быстро подошла и услышала их

отрывистый шепот.

Седовласый старик, убитый горем, поднял на меня туманный взгляд:

– Вызовите полицию, – сказал он севшим голосом. – И «скорую».

– Что случилось? – спросила я в изумлении, но тут же увидела сама.

В узкий проем между двумя зданиями, скобяной лавкой и салоном красоты, было втиснуто тело ребенка. Девочка сидела лицом к тротуару, глядя в никуда широко открытыми карими глазами, как будто нас ждала. Знакомые непокорные кудри. Но озорная улыбка исчезла. Ее рот ввалился, губы над голыми деснами образовали маленький круг. Натали Кин была теперь похожа на куклу-младенца с отверстием для бутылочки во рту. У нее не было зубов.

Кровь ударила мне в лицо, тело покрылось испариной. Руки и ноги стали ватными, я на мгновение испугалась, что рухну на землю рядом с женщиной, которая тем временем тихо молилась. Я попятилась, прислонилась к припаркованной машине и приложила руку к шее, ожидая, пока мой бешеный пульс замедлится. В уме мелькали бессмысленные картинки: грязный резиновый наконечник трости старика. Розовая родинка у женщины на затылке. Пластырь на коленке Натали Кин. Ее имя на запястье жгло мне руку.

Послышались голоса; прибежал начальник полиции Викери с каким-то новым человеком.

– Ох, мать честная! – прохрипел Викери, увидев труп. – Вот чертовщина!

Он, тяжело дыша, прислонился лбом к кирпичной стене дома. Его спутник, мужчина примерно моего возраста, склонился над Натали. На ее шее был багровый след; он приложил два пальца чуть выше, чтобы проверить пульс. Видимо, хотел выиграть время, чтобы овладеть собой, – ребенок явно был мертв.

«Это тот самый высокопоставленный следователь из Канзас-Сити, – догадалась я, – молодой и спесивый».

Впрочем, следователь показался мне неплохим: теперь он ласковым тоном просил женщину отвлечься от молитв и рассказать о том, как она обнаружила девочку. Эти пожилые люди оказались семейной парой, хозяевами закуской – их фамилию я как раз пыталась вспомнить накануне. Бруссард. Они нашли Натали, собираясь открыть ресторан к завтраку. Пришли сюда на пять минут раньше меня.

Подошел полицейский в униформе. Увидев, почему его вызвали, схватился за голову.

– Господа, вы должны пройти с господином офицером в полицейский участок для дачи показаний, – сказал начальник из Канзас-Сити. – Билл! – обратился он к Викери покровительственным тоном, как отец к сыну.

Викери неподвижно стоял на коленях перед телом. Он беззвучно шевелил губами, как будто тоже молился. Только когда начальник окликнул его второй раз, он встал.

– Я слышу тебя, Ричард. Побудь человеком хоть минуту.

Билл Викери обнял за плечи госпожу Бруссард и стал что-то ей шептать, а она погладила ему руку.

Два часа я просидела в кабинете с ярко-желтыми стенами, пока офицер полиции записывал мои показания. Все это время я думала о том, что Натали повезут на вскрытие, и мне хотелось незаметно подкрасться и прилепить ей на колени свежий пластырь.

Глава третья

На похоронах мама была в синем. Черный слишком мрачен, а костюм другого цвета смотрелся бы неприлично. Она и на похоронах Мэриан была в синем, и сама Мэриан была в синем. Мама очень удивилась, узнав, что я этого не помню. Мне казалось, Мэриан была похоронена в бледно-розовом платье. Вот так всегда. Мы с мамой вечно расходимся во мнениях обо всем, что касается моей

покойной сестры.

Утром в день похорон Адора ходила из комнаты в комнату, цокая каблучками, – то духами побрызгается, то вспомнит, что серьги еще не надела. Я смотрела на нее и пила обжигающе-горячий черный кофе.

– Я мало знакома с этой семьей, – говорила она. – Они живут замкнуто. Но думаю, весь город должен их поддержать. Натали была такой милой. Люди так по-доброму отнеслись ко мне, когда...

Грустный взгляд в пол. Похоже, она не кривит душой.

Я находилась в Уинд-Гапе уже пятый день, а сестра все еще не показывалась мне на глаза, хотя была где-то поблизости. Мама о ней не говорила. С родителями Натали мне тоже до сих пор побеседовать не удалось. Я даже не получила от них приглашения на похороны, но Карри больше всего хотел, чтобы я написала об этом, и мне хотелось оправдать его ожидания. Я надеялась, что Кин об этом не узнают. Никто нашу газету не читает.

В соборе Девы Марии мы встретили благоухающих духами дам. Они обняли маму, потом, шепотом обменявшись с ней приветствиями и комплиментами («Молодец, Адора, что пришла! Мужайся!»), вежливо кивнули мне и пропустили нас вперед. Собор Девы Марии – это католическая церковь семидесятых годов, сияющая медью и усеянная цветными камнями, точно дешевое кольцо. Уинд-Гап, основанный ирландцами, упорно держится католицизма, между тем как на юге быстро распространяется баптизм. В период картофельного голода[8 - Великий картофельный голод случился в Ирландии в 1845–1850 гг. В результате четверть населения Ирландии либо умерла от голода, либо эмигрировала в соседние страны.] Макмагоны и Малоуны перебрались в Нью-Йорк, где их, в большинстве своем, вскоре стали притеснять, и тогда самые расторопные из них двинулись на запад. В Сент-Луисе уже обосновались французы, поэтому ирландцы повернули на юг, где и основали свои города. Однако позднее, в годы Реконструкции, их бесцеремонно оттуда прогнали. Штат Миссури, извечно терзаемый конфликтами, стремился избавиться от своих южных корней и ликвидировать рабство; ирландцы же оказались лишними, их изгнали вместе с другими нежелательными элементами. От них здесь и осталась католическая религия.

До панихиды оставалось десять минут; перед входом в церковь стала собираться очередь. Я наблюдала за людьми, успевшими занять сидячие места. Странное дело: ни одного ребенка. Ни мальчиков в темных брюках, катающих машинки по маминым коленям, ни девочек, укачивающих тряпичных кукол. Никого моложе пятнадцати лет. Всех детей оставили дома – то ли из уважения к родителям Натали, то ли от страха. Вероятно, руководствуясь инстинктивным желанием защитить своих детей, боясь, что следующей жертвой может стать кто-нибудь из них. Я представила себе несколько сотен мальчиков и девочек, спрятанных в темные чуланы, где они смотрят телевизор, посасывая кулачки.

Взрослые, которым не за кем было присматривать, казались безжизненными, неподвижными, точно манекены. В заднем ряду я увидела Боба Нэша в темном костюме. Он по-прежнему был без жены. Он кивнул мне, но сразу нахмурился.

Трубы органа приглушенно заиграли мелодию гимна «Не бойся»[9 - «Be Not Afraid» – церковный гимн Боба Даффорда (р. 1943), иезуитского священника, композитора католической литургической музыки.], и родные Натали Кин, которые до сих пор стояли у дверей, плача, обнимаясь и суется, словно единое трепетное сердце, пошли, выстроившись плотным рядом. Блестящий белый гроб несли всего лишь двое мужчин. Третий бы помешал – они бы натолкнулись друг на друга.

Процессию возглавляли родители Натали. Мать немного выше отца, крупная, на вид добродушная, с рыжеватыми волосами, перевязанными лентой. Ее лицо было открытым – к такой женщине наверняка часто обращаются на улице, чтобы узнать время или выяснить, как куда-нибудь проехать. Господин Кин был невысок и худощав, с круглым детским лицом, казавшимся еще круглее из-за проволочных очков, похожих на два больших золотых колеса от велосипеда. За родителями шел красивый юноша лет восемнадцати-девятнадцати. Он рыдал, уронив темноволосую голову на грудь. «Брат Натали», – прошептала женщина за мной.

По щекам моей мамы заструились слезы и звонко закапали на кожаную сумочку, которую она держала на коленях. Женщина, сидящая рядом, погладила ее по руке. Я достала из кармана куртки блокнот и начала писать, но вскоре мама схватила меня за руку и сердито прошептала: «Ты ведешь себя неуважительно и ставишь меня в неловкое положение. Немедленно прекрати, не то я тебя отсюда выведу».

Я положила ручку, но блокнот прятать не стала, чувствуя себя нахалкой. Лицо у меня пылало от стыда.

Процессия прошла мимо нас. Гроб казался несуразно маленьким. Я представила в нем Натали, и мне снова вспомнились ее ноги, покрытые легким пушком, выпуклые коленки, пластырь. Сердце пронзила боль, острая и краткая, словно точка в конце предложения.

Пока священник в парадной рясе начитывал первые молитвы, мы встали и сели, потом нам раздали молитвенные листы, и мы встали опять. На обложке Дева Мария с младенцем Иисусом; он в лучах, исходящих от ее сердца, красного, яркого. На обороте напечатано:

НАТАЛИ ДЖЕЙН КИН,

любимая дочь, сестра, подруга.

В небеса вознесся ангел.

У гроба стоял большой портрет Натали – более строгий, чем тот, что я видела прежде. Девочка была милой, но некрасивой, с заостренным подбородком и немного выпуклыми глазами. С возрастом этот гадкий утенок мог превратиться в прекрасного лебедя, стать потрясающей красавицей, от которой мужчины сходили бы с ума. А могла и остаться милой дурнушкой. После десяти лет внешность девочки меняется по-всякому.

На подиум взошла мать Натали с листом бумаги в руке. Ее лицо было мокрым от слез, но голос оставался твердым.

– Это мое письмо к Натали, моей единственной дочери. – Она прерывисто вздохнула и стала читать далее без остановок. – Натали, ты была моей самой любимой девочкой. Не могу поверить, что тебя больше нет. Больше никогда я не спою тебе колыбельную и не пощекочу спинку. Брат никогда не будет дергать тебя за косички, а папа не посадит себе на колени. Отец не поведет тебя к алтарю. Твой брат никогда не станет дядей. Мы будем скучать по тебе на воскресных обедах и летних каникулах. Нам будет не хватать твоего смеха. Нам

будет не хватать твоих слез. В общем, дорогая дочка, нам будет не хватать тебя. Мы любим тебя, Натали.

Госпожа Кин вернулась на свое место, муж бросился к ней, но она, по всей видимости, в поддержке не нуждалась. Как только она села, мальчик снова упал в ее объятия и зарыдал у нее на плече. Господин Кин окинул сердитым взглядом сидящих за ним, словно ища, кого бы ударить.

– Потеря ребенка – страшное горе, – произнес священник. – И тем горше потеря, что причиной ее стало чудовищное злодеяние. Ибо это есть деяние зла. Библия гласит: «Око за око, зуб за зуб». Но давайте не будем вынашивать мстительные замыслы. Лучше вспомним завет Христа: «Возлюби ближнего своего». Будем же добры к ближнему в эти трудные времена. Вознесем наши сердца к Богу.

– Мне больше понравилось про «око за око», – пробормотал мужчина за мной.

«Как насчет „зуб за зуб“? Это никого не смутило?» – подумалось мне.

Когда мы вышли из церкви на яркий свет, я увидела на другой стороне улицы четырех девочек, сидящих бок о бок на низком кирпичном ограждении. Длинные жеребьячи ноги, беззаботно болтающиеся в воздухе. Подчеркнутая лифчиком округлость груди. Те самые подружки, которых я встретила на опушке леса. Они сидели, сбившись в кучку, и смеялись, пока одна из них, снова самая хорошенькая, не показала на меня, и тогда они повесили головы в притворной скорби. Но животы у них по-прежнему сотрясались от смеха.

Натали похоронили в семейной могиле, рядом с могильным камнем, на котором уже были выгравированы имена ее родителей. Есть мудрость, гласящая, что дети не должны умирать раньше родителей, что это противоречит естественному ходу вещей. Но это единственный способ по-настоящему удержать ребенка при себе. Дети вырастают и создают более крепкие союзы. Они обзаводятся семьями или любовными гнездами. Они не будут похоронены с вами. Но семья Кин останется нерушимой. Под землей.

После похорон люди собрались в доме семьи Кин. Это большой каменный фермерский дом – воплощенный образ пасторальной Америки. Он не такой, как все другие дома Уинд-Гапа. Сельский стиль с его самобытностью не в почете у богатого населения Миссури. Это можно понять: в колониальной Америке богатые женщины носили платья утонченных серых и голубых тонов, в противовес своему имиджу «новосветских деревенщин», в то время как зажиточные англичанки ходили разряженными в пух и прах. Короче говоря, дом семьи Кин выглядел слишком миссурийским для миссурийской семьи.

Стол а-ля фуршет состоял в основном из разных видов мяса: индейка и ветчина, говядина и оленина. Также были соленья, оливки, фаршированные яйца, блестящие булочки и запеканка с корочкой. Гости разделились на две группы: тех, кто плакал, и тех, кто нет. Стойки собрались на кухне, пили кофе и спиртные напитки, говорили о предстоящих выборах в городской совет и перспективах школ; иногда, понизив голос, возмущались недостаточным прогрессом в расследовании убийств.

– Клянусь, если увижу, как кто-то незнакомый подходит к моим девочкам, пристрелю сукина сына к чертям собачьим, не успеет и рта раскрыть, – сказал мужчина с лицом, похожим на лопату, хлопая ладонью по сэндвичу с ростбифом. Друзья одобрительно кивнули.

– Не знаю, почему, черт возьми, Викери не вычистил лес, – да вырубить бы его к чертовой матери. Он ведь там, ясно дело, – сказал молодой человек с оранжевыми волосами.

– Донни, пойдем завтра туда вместе, – сказал мужчина с лопатообразным лицом. – Прочистим его акр за акром. Найдем сукина сына. Пойдем?

Собеседники что-то промышляли, в решимости исполнить задуманное, и выпили очередную дозу спиртного из пластиковых стаканчиков.

Я записала в ежедневник: утром прогуляться вдоль леса – посмотреть, приведут ли эти пьяные разговоры к действию. Несложно себе представить диалог по телефону на следующее утро, смущенным тоном:

– Ты идешь?

– Даже не знаю. А ты?

– Ну, я обещал Мэгги снять зимние рамы...

Потом договорятся как-нибудь встретиться, выпить пива, и положат трубки – медленно, чтобы заглушить виноватый щелчок.

Те, кто плакал, в основном женщины, расположились в гостиной, на плюшевых диванах и кожаных оттоманках. Там был брат Натали, он сотрясался от рыданий в объятиях матери; она же плакала молча, покачивая сына и глядя его темноволосую голову. Милый мальчик, так открыто плачет. Никогда такого не видела. Женщины принесли им тарелки с закусками, предлагая подкрепиться, но они только молча покачали головами. Моя мать порхала вокруг них, как обезумевшая птица, но они ее не замечали, и вскоре она ушла к своим подругам. Господин Кин молча курил в углу вместе с господином Нэшем.

В комнате еще оставались следы недавнего пребывания Натали. На спинке стула висел маленький серый свитер, у двери стояли тенниски с ярко-голубыми шнурками. На книжной полке лежал отрывной блокнот с единорогом на обложке, в подставке для журналов – зачитанная книга «Скачок во времени».

Я чувствовала себя гадиной: не сказала родителям Натали, зачем пришла, даже не подошла к ним до сих пор. Бродила по их дому и шпионила, опустив голову над банкой с пивом, как стыдливое привидение, пока не увидела Кейти Лейси, свою старую лучшую подругу из школы имени Калхуна. Она стояла в кругу приятельниц, женщин с красивыми прическами, удивительным образом похожих на подруг моей матери, только лет на двадцать моложе. Когда я подошла, Кейти поцеловала меня в щеку.

– Я слышала, что ты здесь. Надеялась, что позвонишь, – нахмурила она тонко выщипанные брови, потом пропустила меня к трем своим приятельницам, и те по очереди меня приобняли.

С каждой из них я в свое время дружила. Мы обменялись соболезнованиями и сокрушенно прошептали, как печален повод, по которому мы собрались. Энджи Пейпемейкер (в девичестве Найтли), в школьные годы страдавшая булимией, от которой она сильно исхудала, похоже, так и не излечилась – ее шея была тонкой и жилистой, как у старухи. Мими, избалованная дочка богатых родителей (у ее

отца крупная птицеводческая ферма в Арканзасе), которая всегда меня недолюбливала, что-то спросила про Чикаго и тут же отвлеклась на разговор с малышкой Тиш, самой маленькой из всех, которая почему-то сочла нужным сочувственно держать меня за руку.

Энджи сообщила, что у нее есть пятилетняя дочь, – сегодня муж охраняет ее дома с пистолетом.

– Скучно же будет этим летом малышам, – вполголоса заметила Тиш. – Думаю, что все теперь держат своих детей взаперти.

Я вспомнила девочек, которых видела у церкви после панихиды, – ведь они не намного старше Натали, так о чем же думают их родители?

– Камилла, а у тебя дети есть? – спросила Энджи тонким голоском, под стать ее фигуре. – Забыла спросить: ты замужем?

– Нет и нет, – ответила я, прихлебывая пиво.

Мне вспомнилось, как Энджи рвало у меня дома после уроков. Она запиралась в ванной, откуда потом выходила красной и ликующей. Карри был неправ: прошлое, связывающее меня с этим городом, больше отвлекало от дела, чем помогало.

– Дамы, не собираетесь ли вы утомлять нашу гостью весь вечер?

Я обернулась и увидела одну из маминых подруг, Джеки О’Нил (урожденную О’Киф).

Она явно недавно сделала себе подтяжку: глаза опухшие, кожа лица влажная, красная и натянутая, как у сердитого младенца, вылезавшего из утробы матери. На загорелых пальцах сверкали бриллианты, и, когда она меня обняла, пахло «Джуси фрут» и тальком. Все это уже напоминало вечеринку. А я снова чувствовала себя безответной девочкой, не отваживаясь достать блокнот, пока мама была рядом и посматривала на меня с угрозой.

– Детка, какая же ты красавица! – промурлыкала Джеки.

Ее голова была похожа на дыню, волосы пережжены перекисью, на лице хитрая улыбка. Джеки была стервозной и поверхностной, зато всегда оставалась собой. Со мной она вела себя более раскрепощенно, чем моя родная мать. Именно Джеки, а не Адора вручила мне первую пачку тампонов, подмигнув и сказав, чтобы я ей позвонила, если мне понадобится совет, и всегда весело подтрунивала надо мной по поводу мальчиков. Вроде бы мелочь – а как важно.

– Как дела, дорогая? Твоя мама даже не сказала мне, что ты приехала. Хотя она со мной сейчас не разговаривает – я ей снова чем-то не угодила. Знаешь, как это бывает... Я знаю, что ты знаешь! – Она рассмеялась хриплым смехом курильщика и стиснула мне руку. Я заподозрила, что она пьяна.

– Может, я забыла отправить ей открытку по какому-нибудь поводу, – тараторила она, неосторожно размахивая рукой, в которой держала бокал с вином. – А может, ей не понравился садовник, которого я ей порекомендовала. Говорят, ты пишешь статью о девочках – как это тяжело...

Она так быстро перескакивала с одного на другое, что я с минуту переваривала информацию. Но когда я собралась что-то сказать в ответ, она продолжила, поглаживая мне руку и глядя на меня сквозь пелену слез:

– Камилла, детка, я так давно тебя не видела! Сейчас смотрю и вспоминаю тебя такой же маленькой, как те девочки. Что-то совершенно ненормальное творилось. Как печально... До меня все никак не доходит. – По ее щекам катились слезы. – Заходи в гости, хорошо? Поговорим.

Я ушла из дома Кин, так ничего и не записав. Я уже устала от разговоров, хотя сама в основном молчала.

Решила поговорить с родителями Натали позднее, по телефону, будучи на безопасном расстоянии и имея выпивку про запас – прихватила с собой стаканчик водки с их стола. Я все объяснила, рассказав, какую статью хочу написать. Ничего хорошего из этого не вышло.

Вот что мне удалось написать потом:

В минувший вторник в Уинд-Гапе, маленьком миссурийском городке, где на столбах еще висят объявления о розыске десятилетней Натали Джейн Кин, пропавшей без вести, состоялись ее похороны. Трепетная речь священника на поминальной службе, взывающая к прощению и искуплению грехов, не принесла успокоения и не исцелила раны. Полиция предполагает, что этот милый, здоровый ребенок стал второй жертвой серийного убийцы, охотящегося за детьми.

«Это были очаровательные девочки, – сказал местный фермер Рональд Дж. Кэменз, принимавший участие в розысках Натали. – Не имею ни малейшего представления, за что нам эта напасть».

Четырнадцатого мая тело Натали Кин, скончавшейся от удушья, было найдено в проеме между двумя зданиями на Главной улице Уинд-Гапа.

«Нам будет не хватать ее смеха, – сказала Джинни Кин, мать Натали (пятьдесят два года). – Нам будет не хватать ее слез. В общем, нам будет не хватать Натали».

Однако это не первая беда, случившаяся в Уинд-Гапе, расположенном на юге штата. Двадцать седьмого августа прошлого года в местной реке было найдено тело еще одного задушенного ребенка, девятилетней Энн Нэш. Девочку похитили накануне вечером, пока она ехала на велосипеде к подруге, живущей через два квартала. По словам очевидцев, обе жертвы найдены без зубов, предположительно извлеченных убийцей.

Убийства привели в растерянность городскую полицию, в штате которой всего пять человек. Опыта в расследовании тяжелых преступлений им не хватает, поэтому они попросили помощи у полиции Канзас-Сити, откуда к ним прислали следователя, обученного психологическому профилированию при расследовании серийных убийств. Между тем жители Уинд-Гапа (население которого составляет 2120 человек) уверены, что убийца действовал без мотива.

«Здесь, должно быть, рыщет маньяк. Он отлавливает и убивает детей, – сказал отец Энн, Боб Нэш, сорок один год, занимающийся продажей мебели. – Мы живем без тайн и интриг. Нашу малышку убили просто так, без всяких причин».

Зачем девочкам вырвали зубы? Это остается тайной, к которой пока не найдено практически ни одного ключа. Местная полиция от комментариев воздержалась. Пока идет следствие, в Уинд-Гапе введен комендантский час и повсюду расставлены часовые – в этом городе, прежде тихом, где все теперь встревожены за детей.

Горожане, как могут, стараются залечить свои раны.

«Я ни с кем не хочу разговаривать, – сказала Джинни Кин. – Пусть меня оставят в покое. Мы все хотим только покоя».

Халтурная писанина – что и говорить. Я отправила Карри этот черновик по электронной почте, но уже жалела: из написанного мне не нравилось почти ничего. Предположение полиции о том, что преступления совершил серийный убийца, было вымышленным. Викери ничего подобного не говорил. Первую цитату Джинни Кин я украла из ее прощальной речи на похоронах. Вторую записала, пока она кричала на меня по телефону, когда я, выразив соболезнования, попросила дать интервью. Она поняла, что я намерена выложить все подробности об убийстве ее дочери в какой-то паршивой газетенке, которую потом будут мусолить посторонние люди. «Да оставьте нас наконец в покое! – визжала она. – Мы сегодня дочь похоронили! Как вам не стыдно?!» Но хоть что-то сказала; мне так нужна была цитата, а из Викери невозможно было вытянуть ни слова.

Карри статья понравилась; в ответ он сообщил, что начало получилось хорошим – не «отличным», но все же «очень хорошим». Он даже оставил строчку про «серийного убийцу, охотящегося за детьми» – мой домысел. Это стоило бы вырезать, я знала, но мне очень хотелось добавить драматичной «воды». Карри, вероятно, был пьян, пока читал мой опус.

Он велел рассказать подробнее о семьях погибших девочек, когда соберу нужный материал. Дал мне еще один шанс исправиться. Повезло же мне, – похоже, редакция «Чикаго дейли пост» намеревалась задержать меня в Уинд-Гапе подольше. Пресса между тем мусолила сексуальный скандал в конгрессе, опозоривший трех суровых членов палаты представителей. Двое из которых – женщины. Сенсационный материал, полный скабрзностей. А вот новость поважнее: в Сиэтле, городе ярком и модном, орудует серийный убийца. Среди тумана и кофеен кто-то забавы ради убивал беременных женщин – вскрывал им

животы и выкладывал внутренности на видном месте, к всеобщему ужасу. Так что нашим репортерам повезло – все заняты, ехать в Сиэтл некому. Оставалась только я, несчастная, томящаяся в своей детской кровати.

В среду я спала долго, натянув на голову влажные от пота простыни и одеяла. Несколько раз просыпалась: то от телефонных звонков, то от гула пылесоса в коридоре, то от жужжания газонокосилки за окном. Мне отчаянно хотелось спать, но день уже наступал. Я лежала с закрытыми глазами, представляя, что вернулась в Чикаго и лежу на шаткой кровати в своей однокомнатной квартире, из окна которой видно лишь кирпичную стену супермаркета. Там четыре года назад, только приехав сюда, я купила комод с зеркалом и пластиковый стол, за которым ела из дешевых желтых тарелок гнутыми, похожими на оловянные столовыми приборами. Я беспокоилась, что не полила свое единственное растение, жухлый папоротник, который как-то нашла среди соседского хлама. Потом вспомнила, что два года назад он засох. И я пыталась представить другие картинки из моей жизни в Чикаго: мой рабочий закуток, начальник, который все время забывает, как меня зовут, тусклые зеленые рождественские фонарики, еще не снятые со стен супермаркета. Несколько дружелюбных знакомых тут и там, которые, наверное, и не заметили, что я уехала.

В Уинд-Гапе мне ужасно не нравилось, но мой дом уютным тоже не был. Я достала из вещевого мешка флягу с теплой водкой и снова легла в постель. Потом, прихлебывая водку из фляги, стала оценивать обстановку. Мне казалось, мама заменит пол в моей спальне, как только я уеду, но сейчас, десять лет спустя, все оставалось как прежде. Жаль, что в подростковом возрасте я была такой серьезной: на стенах не было ни постеров поп-звезд, ни коллекций фотографий, чем обычно увлекались девочки, ни цветов для украшения платьев. Зато висели картины с парусниками, настоящие пастельные сельские пейзажи и портрет Элеаноры Рузвельт. Последнее было особенно странным, потому что об Элеаноре Рузвельт я знала мало – только то, что она была хорошей, – впрочем, думаю, в те времена этого было достаточно. Теперь я бы, скорее, повесила фотографию жены Уоррена Гардинга по прозвищу Герцогиня, которая записывала все причиненные ей обиды в красную книжечку и мстила каждому в соответствии с тяжестью его провинности. Мои нынешние кумиры – женщины с изюминкой.

Я выпила еще водки. Мне хотелось только одного: снова провалиться в сон, во тьму, исчезнуть. Нервы напряжены до предела. Еще немного – и разревусь.

Внутри меня словно был надувной шарик, до отказа наполненный водой, – вот-вот лопнет. Кто-нибудь, проколите его булавкой. В Уинд-Гапе мне было плохо. В этом доме я чувствовала себя больной.

Стук в дверь – тихий, словно от порыва ветра.

– Кто там? – спросила я, пряча стакан с водкой у стенки кровати.

– Камилла, это мама.

– Что, мама?

– Я тебе лосьон принесла.

Я подошла к двери нетвердой походкой, под воздействием водки чувствуя себя в защитной оболочке, которая поможет продержаться сегодня в этом особом месте. Месяцев шесть я не напивалась, но сейчас это было неважно. Мама топталась в коридоре, нерешительно заглядывая в приоткрытую дверь, будто в комнату покойника. Впрочем, это было недалеко от истины. Она протянула мне большой светло-зеленый тюбик.

– Он с витамином Е. Купила сегодня утром.

Мама верит, что витамин Е обладает живительными свойствами. Думает, что стоит побольше им намазаться, и моя кожа снова станет гладкой и безупречной. Хотя до сих пор он ни разу не подействовал.

– Спасибо.

Она осмотрела мои шею, руки и ноги, остававшиеся голыми, – я спала в одной футболке. Затем, нахмурившись, посмотрела мне в лицо. Вздохнула, слегка покачала головой. И так и осталась стоять на месте.

– Мама, тебе, наверно, тяжело было на похоронах? – Даже сейчас я не смогла промолчать. Так и тянуло завязать с ней разговор.

– Да. То и дело вспоминалось свое... Этот маленький гроб...

– Мне тоже пришлось нелегко, – поддержала я ее. – Даже удивительно. Мне ее не хватает. До сих пор. Даже странно.

– Было бы странно, если бы тебе было все равно. Все-таки твоя сестра. Потерять ее почти так же больно, как собственного ребенка. Хоть ты и была еще такой юной.

С первого этажа раздавался затейливый свист Алана, но мама, казалось, его не слышала.

– Мне не очень понравилось открытое письмо Джинни Кин, – сказала она. – Это ведь похороны, а не политический митинг. И почему все так буднично оделись?

– А я думаю, что письмо было прекрасным, прочувствованным, – ответила я. – А ты на похоронах Мэриан разве ничего не читала?

– Нет-нет. Я едва стояла на ногах, какие там речи. Камилла, не могу поверить, что ты этого не помнишь. Надо же, все забыла! Мне на твоем месте было бы стыдно.

– Мама, мне ведь было всего лишь тринадцать лет, когда она умерла. Учти, я была совсем еще ребенком.

Это было лет двадцать назад. Надеюсь, хотя бы в этом не ошибаюсь.

– Да, ну что ж. Довольно об этом. Чем хочешь сегодня заняться? Может, прогуляешься? В парке Дэли сейчас красиво, розы цветут.

– Я должна сходить в полицейский участок.

– Не говори мне об этом, пока ты здесь, – отрезала она. – Скажи, что тебе надо выполнить чье-нибудь поручение или что ты собираешься навестить друзей.

– Мне надо выполнить одно поручение.

– Вот и славно. Приятного дня.

Она ушла, мягко ступая по коридору, застеленному плисовым ковром, и вскоре внизу быстро заскрипели ступеньки.

Я сполоснулась прохладной водой, не включая свет, поставив на бортик низкой ванны очередной стакан водки, потом оделась и вышла в коридор. В доме было тихо, насколько позволяла его вековая конструкция. На кухне жужжал вентилятор. Я постояла у двери и, убедившись, что там никого нет, проскользнула внутрь, схватила ярко-зеленое яблоко и, впившись в него зубами, вышла из дома. На небе ни облачка.

На крыльце я увидела девочку, похожую на эльфа. Малышка внимательно разглядывала огромный, в четыре фута[10 - 1 фут = 30,48 см; т. е. высота дома ок. 120 см.], кукольный дом, точную копию маминого. По ее спине, повернутой ко мне, струились аккуратные длинные светлые пряди волос. Когда она повернулась, я узнала ту самую девочку, с которой разговаривала на опушке леса, ту, что смеялась с подружками у церкви, где отпевали Натали. Самую хорошенькую.

– Эмма? – спросила я, и она рассмеялась.

– Ну конечно. Кто же еще будет играть на крыльце у Адоры с таким же домиком, как у нее?

На Эмме был детский клетчатый сарафан, рядом лежала соломенная шляпа. Теперь она выглядела на свои тринадцать лет. Впрочем, нет. Сейчас она казалась младше. Ее платье больше подошло бы десятилетней девочке. Заметив, что мой взгляд остановился на нем, она нахмурилась.

– Я ношу это для Адоры. Дома я превращаюсь в ее любимую куколку.

– А когда ты не дома?

– Другие вещи. Значит, ты Камилла. Моя сестра по маме. Первая дочь Адоры, старше Мэриан. Ты родилась до нее, а я после. Не узнала меня!

– Я слишком долго сюда не приезжала. Вдобавок Адора уже пять лет не шлет рождественских фотографий.

– Это, видимо, тебе она их не шлет. А мы фотографируемся до сих пор. Каждый год Адора покупает мне к Рождеству дурацкое красно-зеленое клетчатое платье. После праздника я сжигаю его в камине.

Она вытащила из гостиной кукольного дома скамеечку для ног величиной с мандарин и показала мне.

– Придется теперь менять обивку. Мебель Адоры уже другого цвета – сейчас она желтая, а не персиковая. Она пообещала сходить со мной в магазин, чтобы я выбрала подходящую ткань. Этот домик – моя страсть.

Даже последние слова – «моя страсть» – прозвучали почти естественно. Они вылетели из ее уст, сладкие и округлые, как ириски, произносимые полупрошепотом и сопровождаемые только кивком, а принадлежали явно маме. Видно, что любимая куколка Адоры старается во всем ей подражать.

– Отличный дом у тебя получился, – сказала я и попрощалась, слегка помахав ей рукой.

– Спасибо, – ответила она. Ее взгляд остановился на моей комнате в игрушечном домике. Она ткнула пальчиком в кровать. – Надеюсь, тебе у нас хорошо.

Последнюю фразу она пробормотала еле слышно, словно обращаясь к миниатюрной Камилле в домике, которую никто, кроме нее, не видел.

Я встретила начальника полиции Викери на углу Второй и улицы Эли, тихой улочки с невысокими домами, за несколько кварталов от полицейского участка. Он выправлял вмятину на дорожном знаке «Стоп», стуча молотком и морщась при каждом ударе по металлу. Рубашка на спине уже намочила от пота, а бифокальные очки сползли на кончик носа.

– Мне нечего вам сказать, мисс Прикер.

Ба-бам-м-м!

– Ваше возмущение понять нетрудно, господин Викери. Я ведь даже не хотела браться за это дело. Но редактор командировал меня сюда, потому что это мой родной город.

– Говорят, вы много лет здесь не появлялись.

Ба-баммм!

Я ничего не ответила и молча рассматривала цветок росянки, пробившийся сквозь щель на тротуаре. Обращение «мисс» слегка меня задело. Я не могла понять: то ли это формула вежливости, к которой я не привыкла, то ли насмешливый намек на то, что я до сих пор не замужем. В этих краях быть одинокой, когда вам хотя бы немного за тридцать, – странное явление.

– Порядочный человек скорее уволится, чем станет писать о мертвых детях. – (Ба-баммм!) – Это приспособленчеством называется, мисс Прикер.

По другой стороне улицы, еле волоча ноги, шел старик с пакетом молока в руках, направляясь к дому, обшитому белыми панелями.

– Вы правы, сейчас я чувствую, что поступаю не очень порядочно.

Я решила, что с Викери лучше не спорить. Мне хотелось расположить его к себе, не только для того, чтобы облегчить себе задачу, но и потому, что своим ворчанием он напоминал Карри, по которому я успела соскучиться.

– Но ведь небольшая огласка могла бы привлечь внимание к этому делу и помочь следствию. Так уже бывало.

– Черт. – Он повернулся ко мне и бросил молоток, который с глухим стуком упал на землю. – Мы уже просили помощи. Теперь из Канзас-Сити время от времени приезжает специальный следователь и остается здесь на несколько месяцев. Но и он не может распутать это проклятое дело. Говорит, что, наверное, какой-нибудь психопат путешествовал автостопом, высадился в наших краях, ему здесь понравилось и он решил остаться тут на год. Но ведь город не такой

большой, и я уверен, что не встречал здесь никаких подозрительных приезжих.

Он многозначительно посмотрел на меня.

- Здесь есть лес, очень большой и густой, - заметила я.

- Преступник не чужак. Полагаю, вы и сами об этом догадываетесь.

- Вам, наверно, хотелось бы, чтобы он был не отсюда.

Викери вздохнул, закурил и обвил рукой дорожный знак, словно желая его защитить.

- Конечно хотелось бы, черт возьми, - ответил он. - Никогда не приходилось расследовать убийства, но я же не идиот.

Теперь я жалела, что наакалась водки. Мои мысли испарялись, и я не могла придумать, о чем его спрашивать дальше, чтобы поддержать разговор.

- Вы считаете, что убийца из Уинд-Гапа?

- Без комментариев.

- Не для записи. Скажите, зачем было бы местному жителю убивать детей?

- Энн однажды убила палкой птицу у соседей. Меня вызывали по этому поводу. Она заточила палку отцовским охотничьим ножом. А что касается Натали, ее семья приехала сюда из Филадельфии два года назад, после того, как эта маленькая чертовка всадила ножницы в глаз своей одноклассницы. Ее отец уволился из какой-то крупной фирмы, чтобы они смогли начать новую жизнь. В этом штате, где вырос его дед. В маленьком городке. Можно подумать, здесь своих проблем мало.

- Например, трудных детей здесь знают все.

- Вот именно.

– Значит, вы считаете, что детей могли убить из ненависти? Кто-то невзлюбил именно этих девочек, – может, они чем-то ему насолили и он убил их из мести?

Викери задумчиво потер кончик носа, почесал усы. Он посмотрел на молоток под ногами, по всей видимости раздумывая, поднять его и продолжить работу или поговорить со мной еще. В этот момент к нам подлетел черный седан. Не успел он остановиться рядом, стекло со стороны пассажирского места опустилось. В окне показалось лицо водителя в темных очках.

– Привет, Билл. Мы, кажется, договаривались встретиться в это время в твоём кабинете?

– Мне работу надо доделать.

Это был детектив из Канзас-Сити. Он посмотрел на меня, привычным жестом опустив очки. Но один глаз тут же закрыла прядь светло-каштановых волос.

«Глаза голубые», – заметила я.

Он улыбнулся мне, сверкнув безупречно белыми, как подушечки «Дирола», зубами.

– Привет! – Он перевел взгляд на Викери, который нарочно наклонился, чтобы поднять молоток, потом снова на меня.

– Привет, – ответила я, переминаясь с ноги на ногу и комкая манжеты.

– Билл, подвезти тебя? Или тебе больше нравится пешком? Если хочешь, я куплю нам по стаканчику кофе и подожду тебя на участке.

– Я не пью кофе, пора бы уже заметить. Буду на месте через пятнадцать минут.

– Хорошо бы через десять. Мы уже опаздываем. – Детектив снова посмотрел на меня. – Билл, может, все-таки поедешь со мной?

Викери молча покачал головой.

– Кто эта девушка, Билл? Я думал, что уже знаком со всеми уиндгапчанами. Или как сказать?.. Уиндгапцами? – Он ухмыльнулся.

Я стояла молча, как застенчивая школьница, надеясь, что Викери меня представит.

Ба-баммм!

Викери сделал вид, что не слышит. В Чикаго я бы смело протянула руку, с улыбкой представилась – да еще и позлорадствовала бы, увидев его растерянное лицо. А здесь словно язык проглотила, только глядела на Викери.

– Ладно, до встречи на участке.

Окно закрылось, и машина уехала.

– Это следователь из Канзас-Сити? – спросила я.

Вместо ответа, Викери закурил новую сигарету и ушел.

Старик на другой стороне улицы только поднялся на верхнюю ступень своего крыльца.

Глава четвертая

В мемориальном парке имени Джейкоба Дж. Гарретта кто-то синей аэрозольной краской изрисовал основание водонапорной башни причудливым узором, что выглядело неожиданно изящно, точно вязаные пинетки на детских ножках. Этот парк, где Натали Кин в последний раз видели живой, был безлюдным. Над бейсбольной площадкой витала пыль, поднимаясь на несколько метров над землей. У меня от нее запершило в горле, как от слишком крепкого чая. Опушка леса заросла высокой травой. Я удивилась, что никто не приказал ее скосить, уничтожить, как камни, над которыми плавало тело Энн Нэш.

В школьные годы мы все собирались в парке Гарретта по выходным – одни пили пиво, другие курили травку, третьи, едва углубившись в чащу леса, предавались сексуальным забавам. Там, когда мне было тринадцать лет, меня впервые поцеловал парень-футболист. Он жевал табак, запах которого поразил меня сильнее, чем сам поцелуй. Потом я отошла за его машину и там оставила весь выпитый мной винный коктейль и съеденные фрукты.

– Здесь был Джеймс Кэписи.

Я обернулась и увидела мальчика лет десяти, светлые волосы коротко острижены, в руках ворсистый теннисный мячик.

– Джеймс Кэписи? – переспросила я.

– Это мой друг, он был здесь, когда она забрала Натали, – сказал паренек. – Джеймс ее видел. Она была в ночной рубашке. Они кидали летающую тарелку возле леса, а потом она утащила Натали. Она могла забрать Джеймса, но он оставался на площадке. Поэтому она схватила Натали, которая оказалась рядом с лесом. Джеймсу здесь нравилось из-за солнца. Вообще ему не разрешают играть на солнце, потому что его мама больна раком кожи, но он все-таки играет. Точнее, раньше играл.

Мальчик ударил мячиком о землю, подняв вокруг себя облако пыли.

– Он больше не любит солнце?

– Он больше вообще ничего не любит.

– Из-за Натали?

Он неприязненно пожал плечами.

– Потому что он слюняй.

Мальчик оглядел меня с головы до ног, потом вдруг с силой кинул мяч в меня. Мячик стукнул меня по бедру и отскочил в сторону.

Мальчик тихонько приснул от смеха.

– Извините.

Он бросился за мячом, догнал, красиво накрыл его в воздухе ладонью, затем подпрыгнул и ударил им о землю. Мячик подскочил метра на три, потом запрыгал ниже и ниже, пока не остановился.

– Не совсем поняла, что ты сказал. Кто был в ночной рубашке? – спросила я, не сводя глаз с мяча.

– Женщина, которая увела Натали.

– погоди, что ты хочешь сказать?

Мне говорили, что Натали играла здесь с друзьями, потом все по одному разошлись, и предположительно ее похитили, когда она шла домой, хотя идти ей было недалеко.

– Джеймс видел, как Натали утащила женщина. Он играл с Натали, они кидали друг другу летающую тарелку. В последний раз тарелка улетела в сторону леса и упала на траву. Натали пошла за ней, и тут из леса появилась женщина, схватила Натали и уволокла ее. Тогда Джеймс побежал домой. С тех пор он больше не выходит гулять.

– Тогда откуда ты знаешь, как это произошло?

– Я как-то был у него в гостях. Он мне и рассказал. Мы ведь друзья.

– Джеймс далеко живет?

– Фиг с ним. Я все равно, наверно, на лето поеду к бабушке, в Арканзас. Там лучше, чем здесь.

Мальчик кинул мяч в изгородь бейсбольной площадки, и он застрял в ячейке, с грохотом колыхая железную сетку.

– Вы из наших краев? – Мальчик принялся пинать ногами пыль в воздухе.

– Да, я раньше здесь жила. Потом переехала. А сейчас приехала в гости. – Я не хотела отступать. – Джеймс живет где-то здесь?

– Вы учитесь в школе? – Его лицо было темным от загара. Он был похож на маленького морского пехотинца.

– Нет.

– В университете?

– Нет, я старше.

– Ну, мне пора. – Мальчик прыжками добрался до забора, выдернул из него мячик, как больной зуб, потом, обернувшись, снова посмотрел на меня и беспокойно задвигался на месте. – Я пошел.

Он запустил мяч в сторону дороги, и тот, громко стукнув о мою машину, поскакал дальше. Мальчик побежал за ним и скрылся из виду.

«Кэписи, Жанель», – прочла я в телефонной книге Уинд-Гапа, похожей на тонкий журнал, которую нашла на автозаправке, в единственном в городе магазине «ФаСтол». Потом я утолила жажду клубничной газировкой и поехала по указанному в книге адресу: Холмс, дом 3617.

Дом Кэписи стоял на краю дешевого квартала в восточной стороне города: кучки домов, маленьких и обветшалых, чьи жители в основном работают на ближней свиноферме. Это частное хозяйство производит почти два процента всей свинины в стране. Спросите любого малоимущего жителя Уинд-Гапа, где он работает, и он наверняка скажет, что на ферме, где прежде трудился его отец. В свинарнике работа спокойная: пороссятам хвосты обрезать, свиноматок оплодотворить, рассадить молодняк в ящики, свиней загнать в загон, навоз утилизировать. В убойном цехе приходится тяжелее: рабочие загоняют животных в тележки, везут их по коридору, потом оглушают электричеством. Свиней пристегивают к тросу за задние ноги и поднимают, брыкающихся и визжащих, вниз головой. Затем им перерезают глотки остроконечными ножами,

и на кафельный пол брызжет кровь, густая, как масляная краска. Далее туши ошпаривают. В цеху постоянно стоит неистовый, пронзительный визг, поэтому многие рабочие носят затычки в ушах и проводят дни в беззвучной ярости. Вечерами они пьют, слушают громкую музыку. В местном баре «У Хилы» свинины в меню нет вовсе, только куриные наггетсы, которые, должно быть, производят такие же разъяренные рабочие в каком-нибудь другом паршивом городишке.

Чтобы быть честной до конца, добавлю, что свинофермой владеет моя мать, которая нанимает управляющего, а сама только получает годовой доход в 1,2 миллиона долларов.

На террасе дома Кэписи протяжно мяукал кот, и, еще не дойдя до дома, я услышала шум работающего телевизора: кто-то смотрел ток-шоу. Я постучала в сетчатую дверь и стала ждать. Кот терся о мои ноги; даже сквозь брюки я чувствовала его ребра. Постучала еще раз – телевизор выключили. Кот залез под качели на террасе и завыл. Я начертила ногтем на ладони: «А-а-а!» – и постучала в третий раз.

– Мам, ты? – раздался из открытого окна детский голос.

Я подошла к окну и сквозь пыльную противомоскитную сетку разглядела худенького мальчика с темными кудрявыми волосами, который смотрел на меня, удивленно вытаращив глаза.

– Привет! Извини за беспокойство. Ты Джеймс?

– Что вы хотите?

– Привет, Джеймс. Извини, что отвлекла тебя. Ты смотрел что-то интересное?

– Вы из полиции?

– Я хочу помочь найти обидчика твоей подружки. Поговоришь со мной?

Он остался стоять, но ничего не ответил и нерешительно водил пальцем по оконной раме. Я села на качели в другом конце террасы, подальше от него.

- Меня зовут Камилла. Мне твой друг рассказал, что ты видел. Такой светленький мальчик с короткой стрижкой.

- Ди.

- Его зовут Ди? Я встретила его в парке - там, где ты играл с Натали.

- Ее забрала она. Никто мне не верит. Я не боюсь. Меня просто не выпускают из дома. Мама больна, у нее рак.

- Ди мне это сказал. Я тебя не виню. Надеюсь, что не напугала тебя, когда пришла.

Он принялся скрести сетку длинным ногтем, издавая треск, от которого у меня мурашки побежали по коже.

- Вы на нее не похожи. Если бы были, я бы вызвал полицию. Или застрелил бы вас.

- Как она выглядела?

Джеймс пожал плечами.

- Я сто раз уже это рассказывал.

- Ну, расскажи еще разок.

- Она была старой.

- Как я, например?

- Старой, как тетка.

- Так. Что ты еще заметил?

– На ней была белая ночнушка. И волосы у нее были белые. Она вся была белой, но не как привидение. Я так и говорил.

– Тогда белой, как кто?

– Словно никогда из дома не выходила.

– Эта женщина схватила Натали возле леса? – спросила я заискивающим тоном, каким мама разговаривает с официантами, к которым благоволит.

– Я не вру.

– Конечно нет. Женщина схватила Натали, когда вы играли?

– Очень быстро. – Он кивнул. – Натали пошла по траве за тарелкой. Тогда я увидел женщину. Она выходила из леса, глядя на нее. Я заметил ее раньше, чем Натали. Но мне не было страшно.

– Может, и не было.

– Даже когда она схватила Натали, поначалу мне не было страшно.

– А потом?

– Нет... – Он умолк. – Не было.

– Джеймс, расскажи, пожалуйста, что произошло, когда она схватила Натали?

– Она прижала Натали к себе, будто обняла. Потом подняла голову и стала смотреть на меня.

– Эта женщина?

– Да. Она мне улыбнулась. В тот момент я даже подумал, что все в порядке. Но она ничего не сказала. Потом перестала улыбаться. Приложила палец к губам – «молчи». И ушла в лес. Вместе с Натали. – Он снова пожал плечами. – Я уже все

это рассказывал.

- Полиции?

- Сначала маме, потом полиции. Мама мне велела. Но полиции было все равно.

- Почему ты так думаешь?

- Они думали, что я вру. Но я не стал бы такое сочинять. Это глупо.

- Натали что-нибудь делала в этот момент?

- Нет. Она просто стояла. Наверно, не знала, что делать.

- Эта женщина никого тебе не напоминала из знакомых?

- Нет. Я уже сказал вам, что нет. - Он отступил от сетки и, обернувшись, стал смотреть куда-то вглубь комнаты.

- Ну ладно. Извини, что побеспокоила. Пригласил бы в гости кого-нибудь из друзей. Было бы повеселее. - Джеймс пожал плечами и принялся грызть ногти. - Сходил бы погулять. Лучше, чем дома сидеть.

- Не хочу. А у нас, кстати, оружие есть.

Он показал пальцем на пистолет, лежащий на подлокотнике дивана рядом с надкушенным сэндвичем. Господи.

- Джеймс, ты уверен, что тебе нужно держать его наготове? Ты же не собираешься стрелять. Огнестрельное оружие очень опасно.

- Не так уж и опасно. Мама не волнуется. - Он впервые посмотрел на меня долгим взглядом. - А вы красивая. У вас красивые волосы.

- Спасибо.

– Мне надо идти.

– Ладно. Будь осторожен, Джеймс.

– Я и стараюсь. – Он делано вздохнул и отошел от окна. Через мгновение снова послышалась телевизионная брань.

В Уинд-Гапе было одиннадцать баров. Я пошла в тот, где не бывала прежде, под названием «Сенсорс». Думаю, что он был особенно популярен в восьмидесятых, на очередной волне безумия, судя по неоновым зигзагам на стене и маленькому танцполу в центре зала. Я пила бурбон и записывала в блокнот то, что узнала за день, и тут за мой столик, на мягкий стул напротив, плюхнулся блюститель закона из Канзас-Сити. Он с грохотом поставил на стол бутылку с пивом.

– Я думал, репортеры не должны брать интервью у несовершеннолетних без согласия родителей. – Он улыбнулся, отпил пива. Видимо, им звонила мать Джеймса.

– Репортеры вынуждены проявлять настойчивость, когда полиция не допускает их к расследованию, – ответила я, не поднимая глаз.

– Полиция не сможет нормально работать, если репортеры будут излагать подробности расследования в чикагских газетах.

Все та же заезженная пластинка. Я уткнулась в блокнот, который намок, потому что на нем стоял влажный стакан.

– Попробуем другой подход. Я Ричард Уиллис. – Он отпил еще пива и причмокнул губами. – Можете сказать мне все, что думаете о полицейских. Любого звания.

– Заманчиво.

– Полиция – полицаи – копы...

– Да, я поняла.

– А вы Камилла Прикер, девушка из Уинд-Гапа, которая благополучно переселилась в большой город.

– Вас верно осведомили.

Он улыбнулся своей волнующей дуроловой улыбкой и провел рукой по волосам. Обручального кольца нет. Интересно, с каких пор я обращаю на это внимание.

– Что же, Камилла, предлагаю мир. Хотя бы на время. Посмотрим, что из этого получится. Думаю, нет нужды отчитывать вас за то, что вы самовольно взяли у ребенка интервью.

– Полагаю, вы понимаете, что отчитывать меня не за что. Почему полиция не приняла во внимание показания единственного свидетеля похищения Натали Кин? – Я демонстративно взяла ручку, давая понять, что запишу его слова.

– Кто сказал, что мы их не приняли?

– Джеймс Кэписи.

– Ах вот оно что. Весьма достоверный источник, – засмеялся он. – Открою вам маленький секрет, мисс Прикер. – Он неплохо передразнивал Викери, даже покрутил воображаемое розоватое кольцо на пальце. – Мы не посвящаем в тайны следствия девятилетних детей. В том числе не даем знать, верим мы их рассказам или нет.

– Вы верите?

– Без комментариев. Не имею права.

– По-моему, если бы у вас было достаточно подробное описание предполагаемого убийцы, вы могли бы огласить его, чтобы люди знали, кого бояться. Но у вас его нет, поэтому полагаю, что вы все-таки отклонили показания мальчика.

– Повторяю: комментировать не буду.

– Насколько мне известно, Энн Нэш не пытались изнасиловать, – продолжала я. – Так же дело обстоит и с Натали Кин?

– Мисс Прикер, я не могу сейчас ответить на ваши вопросы.

– Тогда зачем вы начали этот разговор?

– Ну, прежде всего, я знаю, что на днях вы потратили немало времени – может быть, даже рабочего времени, – излагая нашему офицеру свою версию обнаружения тела Натали. Я хотел вас поблагодарить.

– Мою версию?

– Память у всех разная, поэтому и версия у каждого своя, – заметил он. – Вы, например, сказали, что у Натали были открыты глаза. Бруссард заявили, что они были закрыты.

– Без комментариев, – язвительно ответила я.

– Я больше склонен верить профессиональному репортеру, чем престарелым владельцам закусочной, – сказал Уиллис. – Но мне хотелось бы знать, уверены ли вы в том, что рассказали.

– Натали сексуально домогались? Не для записи. – Я опустила ручку.

Он мгновение молчал, крутя в руках бутылку.

– Нет.

– Я уверена, что ее глаза были открыты. Но вы тоже были там.

– Был, – подтвердил он.

– Значит, для этого я вам не нужна. Что еще вы хотели сказать?

– То есть?

- Вы сказали «прежде всего»...

- Да, верно. Ну, если быть честным – ведь вы, кажется, любите честность, – мне безумно хотелось пообщаться с кем-нибудь из приезжих, поэтому я вас здесь и нашел. – Он сверкнул на меня белозубой улыбкой. – То есть я знаю, что вы отсюда. Не понимаю, как тут можно жить. Я приезжаю сюда время от времени с августа прошлого года и начинаю сходить с ума. Конечно, Канзас-Сити не бурлящая столица, но там есть хотя бы ночная жизнь. Культурная... словом, какая-то культура. Люди.

- Уверена, что вы привыкнете.

- Хотелось бы. Теперь я, возможно, останусь здесь надолго.

- Ясно. – Я постучала пальцем по записной книжке. – Так какова ваша версия, господин Уиллис?

- Следователь Уиллис, вообще-то. – Он снова широко улыбнулся. Я залпом допила бурбон и принялась грызть короткую соломинку из стакана. – Камилла, разрешите вас угостить?

Я помахала стаканом и кивнула:

- Стакан бурбона, в чистом виде.

- Хорошо.

Пока он стоял у барной стойки, я взяла ручку и витиеватыми буквами написала на запястье слово «коп». Он вернулся с двумя стаканами бурбона «Уайлд Терки».

- Ну так что же, – он повел бровями, – предлагаю немножко поговорить. Неофициально. Мне действительно этого не хватает. Билл Викери не жаждет общения со мной.

- Не только с вами!

– Верно. Значит, вы родом из Уинд-Гапа, а сейчас пишете для чикагской газеты. «Трибюн»?

– «Дейли пост».

– Не знаю такой.

– Неудивительно.

– Вы не очень-то от нее в восторге.

– Да нормальная газета. Нормальная.

Приятной собеседницы из меня не получалось; да, похоже, я уж и забыла, как вести светские беседы. В нашей семье умелицей по этой части была Адора – даже парень, опрыскивающий сад от насекомых, присылает ей идиотские открытки на Рождество.

– Вы не очень-то словоохотливы, Камилла. Если хотите, чтобы я ушел, я уйду.

По правде говоря, этого не хотелось. На него было приятно смотреть, и его голос действовал на меня успокаивающе. К тому же он был нездешним, что меня ничуть не смущало.

– Простите. Я не со зла. Просто неважно себя чувствую здесь. И то, о чем приходится писать, настроение не поднимает.

– Как давно вы отсюда уехали?

– Много лет назад. Восемь, если точнее.

– И у вас здесь остались какие-то родственники?

– Ох, да. Истые уиндгапчане. Кстати, так их обычно и называют – вы ведь сегодня этим интересовались.

– Спасибо, боюсь обидеть милых людей. Даже сильнее, чем прежде. Значит, вашим родным здесь нравится?

– Ну да. Они и не думают о том, чтобы когда-нибудь отсюда уехать. У них ведь здесь столько друзей, такой шикарный дом. Ну и так далее.

– Значит, ваши родители родом отсюда?

За соседний столик, отделенный перегородкой, пришла компания знакомых парней примерно моего возраста, с пивом в огромных кружках. Мне не хотелось, чтобы они меня заметили.

– Мама родилась здесь, а отчим из Теннесси. Он переехал сюда, когда они поженились.

– Когда это было?

– Без малого тридцать лет назад, кажется. – Я заметила, что пью быстрее, чем он, и решила не торопиться.

– А ваш отец?

Я многозначительно улыбнулась.

– А вы выросли в Канзас-Сити?

– Да. И никогда не хотел уезжать. У меня там столько друзей, такой шикарный дом. Ну и так далее.

– И вам нравится быть там... копом?

– Приходится видеть многое. Достаточно для того, чтобы не стать таким, как Викери. В прошлом году я расследовал крупные дела. В основном убийства. Мы поймали мужика, который ходил по городу и нападал на женщин.

– Насиловал?

- Нет. Сажал их на шпагат, засовывал руку в рот и разрывал горло в клочья.

- Боже мой...

- Мы его поймали. Это был продавец алкогольных напитков, средних лет, жил вдвоем с мамой. У него под ногтями остались частички кожи с горла его последней жертвы. Через десять дней после покушения.

Было непонятно, что его удивляет: то ли глупость преступника, то ли его неряшливость.

- Ясно.

- И вот теперь я здесь. Город маленький, зато для следователя это настоящая школа. Когда Викери позвонил в первый раз, дело было еще не таким значительным, поэтому сюда отправили следователя среднего ранга. Меня. - Он улыбнулся, почти скромно. - Потом преступление оказалось серийным. Пока дело оставляют мне - важно только его не запороть.

Ситуация казалась знакомой.

- Странно себя ощущаешь, когда твой успех строится на чем-то столь ужасном, - продолжал он. - Но вам это должно быть знакомо. По какой теме вы пишете статьи в Чикаго?

- Я занимаюсь криминальной хроникой, так что, наверное, вижу ту же дрянь, что и вы: жестокость, насилие, убийства. - Мне захотелось похвастаться: мол, я тоже повидала всякого. Глупо, но не удержалась. - В прошлом месяце сын убил отца восьмидесяти двух лет и оставил его в ванне с химикатом, очистителем водосточных труб, надеясь, что тело растворится. Парень сознался, но, конечно, не смог объяснить, зачем он это сделал.

Я жалела, что назвала дрянью жестокость, насилие и убийства. Мелкое слово.

- Выходит, мы оба насмотрелись ужасов, - сказал Ричард.

- Да. - Я крутила в руках стакан, не зная, что сказать.

– Сочувствую.

– Я вам тоже.

Он задумчиво смотрел на меня. Бармен включил приглушенный свет, что означало, что бар скоро закроется.

– Может, как-нибудь сходим в кино, – предложил Уиллис утешительным тоном, словно надеясь, что вечер в кинотеатре поможет разрешить все проблемы.

– Может быть, – сказала я, допивая бурбон. – Может быть.

Он снял этикетку с пустой пивной бутылки и разгладил ее на столе. Получилось неаккуратно. Сразу видно, что он никогда не работал в баре.

– Ну что ж, Ричард, спасибо за угощение. Мне пора домой.

– Спасибо за приятную компанию, Камилла. Проводить вас до машины?

– Нет, спасибо. Сама дойду.

– Вы уверены, что можете сейчас водить? Честное слово, я спрашиваю не как полицейский.

– Да, я в порядке.

– Хорошо. Спокойной ночи.

– Вам тоже. В другой раз дадите мне интервью.

Когда я вернулась, Алан, Адора и Эмма сидели в гостиной. Сценка была до боли знакомой – тут же вспомнились былые времена, при жизни Мэриан. Мама сидела на диване, укачивая Эмму на руках. На девочке была шерстяная ночная рубашка, хотя стояла жара, и мама прижимала к ее губам кубик льда. Сестра посмотрела

на меня с равнодушным довольством и принялась играть с кукольным обеденным столом из яркого красного дерева – точно таким же, как тот, что стоял в соседней комнате, но высотой с палец.

– Не о чем беспокоиться, – сказал Алан, выглядывая из-за газеты, – Эмма просто простудилась.

Мне на мгновение стало тревожно, потом досадно: вот и проснулись старые привычки – я чуть было не побежала на кухню ставить чайник, как делала всегда, когда заболела Мэриан. Но все-таки я осталась стоять рядом с мамой, надеясь, что она обнимет и меня. Мать и Эмма молчали. Мама даже не взглянула на меня, лишь крепче прижала Эмму к себе и что-то нежно зашептала ей на ушко.

– Слабеем мы, Креллины, – как-то виновато сказал Алан.

Врачи из Вудберри видели кого-нибудь из Креллинов, наверное, раз в неделю – и мама, и Алан поднимали тревогу из-за любого чиха. Помню, когда я была маленькой, мама любила натирать меня мазями и маслами, пичкала народными средствами и всякой гомеопатической ерундой. Я покорно принимала лекарства, но особо гадкие микстуры пить отказывалась. Потом заболела Мэриан – по-настоящему, – и у Адоры появились более серьезные заботы, чем упрашивать меня выпить экстракт зародышей пшеницы. Теперь мне было жаль – зачем я упиралась, когда она столько возилась со мной, уговаривая проглотить таблетку или ложечку сиропа? Больше мама никогда не уделяла мне столько внимания. Мне вдруг стало жаль, что я была такой упрямой.

«Креллины. Все здесь носят эту фамилию, кроме меня», – подумала я обиженно, чувствуя, что совсем впадаю в детство.

– Как жаль, что ты заболела, – сказала я Эмме.

– На ножках не тот узор, – вдруг захныкала Эмма. Она с возмущенным видом протянула маме игрушку.

– Вот острый глаз у тебя, Эмма, – удивилась Адора, щурясь на миниатюрный стол. – Но этого же почти не видно, маленькая моя. Только тебе и заметно. – Она пригладила дочке влажные волосы.

– Очень мне нужен непохожий стол! – воскликнула Эмма, сердито глядя на игрушку. – Надо его вернуть. Зачем было делать его на заказ, если он все равно не такой?

– Доченька, честное слово, это совершенно незаметно. – Мама хотела погладить Эмму по щеке, но она уже поднималась с дивана.

– Ты говорила, что все будет в точности как настоящее. Ты же обещала! – Ее голос дрогнул, из глаз закапали слезы. – Теперь все пропало. Все! Это же из столовой – стол не должен выделяться из гарнитура. Ненавижу его!

– Эмма... – Алан сложил газету и подошел, чтобы обнять Эмму, но она увернулась.

– Это все, что я хочу! Все, о чем прошу! А вас даже не волнует, что он плохой! – кричала она сквозь слезы, расходясь все больше и покрываясь красными пятнами.

– Эмма, успокойся, – хладнокровно сказал Алан, снова пытаюсь обнять ее за плечи.

– Это все, что я хочу! – завизжала Эмма, швырнула столик на пол, и он раскололся на пять частей.

Она колотила по нему до тех пор, пока от него не остались мелкие кусочки, потом уткнулась лицом в диванную подушку и завывала.

– М-да, – вздохнула мама, – видимо, теперь придется заказать новый.

Я ушла к себе в комнату, подальше от этой кошмарной девчонки, совсем не похожей на Мэриан. Тело горело жгучим огнем. Я прошлась туда-сюда, пытаюсь вспомнить, как правильно дышать, чтобы успокоить боль. Но она не унималась. Мои шрамы любят иногда самовольничать.

Дело в том, что я – резчица. Есть резчики по камню, дереву и металлу, а я – особый случай. Я – резчица по коже. Своей коже. Она сама этого жаждет. Моя кожа вся исписана словами: «повар», «кекс», «котенок», «кудри», – как будто на ней учился писать первоклассник, вооруженный ножом. Иногда – только иногда – я смеюсь. Когда вылезая из ванны и вскользь читаю слово «куколка», вырезанное сбоку на ноге. Или, пока надеваю свитер, вдруг вижу у себя на запястье: «вредно». Почему эти слова? После многих месяцев терапии у врачей появились некоторые догадки. Похоже, это девчачьи слова из детских книжек наподобие «Дик и Джейн»[11 - Обучающая чтению серия книг для детей.]. Либо имеющие явный негативный смысл. Одних только синонимов слова «тревно» одиннадцать. Я уверена только в том, что когда-то мне было исключительно важно видеть их на себе, причем не только видеть, но и чувствовать. Например, слово «юбочка», горящее на левом бедре.

А рядом – первое слово, которое я вырезала в тринадцать лет, в один беспокойный летний день, – «злость». Проснувшись с утра, я не знала, чем себя занять, – мне было жарко и скучно. Как защитить себя от тревоги, когда впереди весь день – пустой и необъятный, как небо? Ведь всякое может случиться. Помню, я почувствовала это слово у себя на лобке, оно было тяжелым и немного липким. Мамин острый кухонный нож. Режу по воображаемым красным линиям, точно ребенок. Смываю кровь. Всаживаю нож глубже. Смываю кровь. Мою нож отбеливателем, крадусь на кухню, кладу его на место. «Злость». Вот облегчение. Потом весь день обрабатываю раны. Ковыряю линии букв ватной палочкой, смоченной спиртом. Глажу себя по щеке, пока боль не утихнет. Примочка. Бинт. Повторяю процедуру.

Конечно, проблема началась гораздо раньше. Проблемы всегда возникают задолго до того, как мы их замечаем. В девятилетнем возрасте я переписывала толстым карандашом, с узором в горошек, всю эпопею «Домик в прерии»[12 - Трилогия писательницы Л. Уайдлер о семье американских первопроходцев.], слово за словом, в спиральные блокноты с ярко-зелеными обложками.

В десять лет я записывала за учителем каждое второе слово на джинсах, синей ручкой. Потом я их украдкой стирала детским шампунем, закрывшись в ванной, чувствуя себя виноватой. Слова расплывались и размазывались, и мои штаны были усеяны синими иероглифами, как будто по ним прыгала птичка с перепачканными чернилами лапками.

В одиннадцать лет я болезненно записывала все, что мне говорили, в маленький синий блокнот, уже как маленький репортер. Я должна была зафиксировать на бумаге каждую фразу, иначе казалось, что она ненастоящая и скоро ускользнет. Мне скажут: «Камилла, передай молоко», – я вижу эти слова, они висят в воздухе, и мне становится страшно, что они вот-вот растают, как след от самолета. Записанные на бумаге, слова оставались при мне. Ничего, что они потом устареют. Я была хранительницей слов. Чудачкой, скрытной, нервной школьницей, которая с бешеным фанатизмом записывала чужие слова («Господин Фини – стопроцентный гей», «Джейми Добсон – страхолюдина», «Они никогда не пьют шоколадное молоко») с почти религиозным трепетом.

Мэриан умерла в мой день рождения, когда мне исполнилось тринадцать лет. Я проснулась и побежала в ее комнату, чтобы, как всегда, пожелать ей доброго утра, и тут увидела ее: глаза открыты, одеяло натянуто до подбородка. Помню, что я не очень удивилась. Она умирала, сколько себя помню.

Тем летом также произошли другие перемены. Я вдруг стала по-настоящему красивой. Хотя могло получиться по-всякому. Мэриан была признанной красавицей: большие голубые глаза, маленький нос, точеный подбородок. Мое же лицо до сих пор менялось, точно с каждой переменной погоды: тучи налетели – становлюсь дурнушкой, небо синеет – хорошею. Но когда черты окончательно оформились – а это произошло тем же летом, когда мои трусики впервые запачкались кровью, тем же летом, когда я начала мастурбировать, неистово, как одержимая, – оказалось, что я помешана. Я влюбилась в себя и беспардонно кокетничала со своим отражением в каждом зеркале. Без зазрения совести. Тогда я начала нравиться. Я уже не была жалкой уродиной (у которой умерла сестра – как же это странно). Я была красоткой (у которой умерла сестра – как это печально). Так что я стала пользоваться успехом.

Тем же летом я начала резать себя и увлеклась этим едва ли меньше, чем своей новообретенной красотой. Мне безумно нравилось ухаживать за собой: вытру лужицу крови влажным полотенцем – и, как по волшебству, моему взгляду открывается вырезанное над пупком слово «тошно». Промокать тампоном со спиртом, оставляющим ворсинки ваты на липкой от крови коже, слово «нахально». В выпускном классе я увлеклась грязными словечками, которые позднее исправила: несколько новых порезов – и «хер» превращается в «мохер», «лобок» – в «колобок», а «клитор» – в не очень правдоподобный «свитер», особенно трудно пришлось с первой буквой: из «к» вышла очень жирная «с».

Последнее слово, которое я вырезала на себе через шестнадцать лет после того, как начала этим заниматься, было «исчезните».

Иногда я слышу, как слова перекрикиваются через мое тело. «Трусики» на плече ругают «вишни» на внутренней стороне лодыжки. «Шить» с подушечки большого пальца ноги бормочет угрозы «малышу» под левой грудью. Чтобы их уgomонить, вспоминаю слово «исчезните», которое с царственным спокойствием взирает на другие слова с безопасной вершины – тыльной стороны шеи.

Только между лопаток, куда мне было не дотянуться, остался чистый островок размером с кулак.

За эти годы у меня появились своеобразные любимые шутки: «Меня можно читать, как книгу», «А может, я ходячая энциклопедия?», «У меня большой словарный запас». Смешно, правда? Я не могу смотреть на себя, пока полностью не оденусь. Наверно, однажды схожу к хирургу – пусть посмотрит, можно ли как-нибудь разглядеть мне кожу, но пока все с духом не соберусь. Вот и пью, чтобы поменьше думать о том, что я с собой сделала, и чтобы больше этого не делать. Но почти все время, пока не сплю, борюсь с желанием вырезать новые слова. И уже не коротенькие, а, например, такие, как «двусмысленность», «невразумительно» или «предательство». Но вспоминаю больницу в Иллинойсе и понимаю, что там мое писательство никто бы не оценил.

Если кого-то интересует название болезни, существует масса медицинских терминов. Мне достаточно того, что резьба по коже давала чувство защищенности. Это доказательство. Ведь эти слова я всегда могла увидеть – они не стираются. Это правда, приносящая мучительную боль, она зашифрована на мне, пусть и странным образом. Вы скажете, что идете к врачу, и мне захочется вырезать у себя на руке: «неспокойно». Скажете, что влюбились, и я почувствую, как на груди уже зудит новое слово: «трагично». Не так уж мне хотелось вылечиться, но надоело прятаться и лихорадочно, как наркоман, искать на ногах свободное место, чтобы там нацарапать «зло» или «плач». Мне помогло слово «исчезните». Нетронутой осталась шея – прекрасное место, важное; я приберегла ее для самого последнего слова. Потом я сдалась врачам и три месяца провела в больнице. Лежала в специальном отделении – для тех, кто режется; моими соседями были в основном женщины, как правило не старше двадцати пяти лет. Мне на тот момент было тридцать. Выписалась полгода назад. Нелегкое время.

Однажды меня навестил Карри, принес букет желтых роз. Прежде чем пустить его ко мне, с цветов удалили шипы. Он сказал, что их положили в пластиковые пузырьки наподобие тех, в которых раздают лекарства, и спрятали под замок, чтобы потом отдать уборщику. Пока мы сидели в комнате отдыха с закругленными углами и плюшевыми диванами и разговаривали о газете, его жене и последних событиях в Чикаго, я высматривала на нем какой-нибудь острый предмет: пряжку ремня, булавку или цепочку для часов.

«Бедная девочка, как мне тебя жалко», – сказал он, уходя, и я знала, что он не кривит душой: в его голосе слышались слезы.

Когда он ушел, почувствовала такое отвращение к себе, что меня затошнило, и я закрылась в ванной. Там я заметила винты с резиновыми шляпками за унитазом. Отковыряла шляпку у одного винта и принялась обдирать о него ладонь – «о» – до тех пор, пока санитары не выволокли меня оттуда с окровавленной рукой.

Через несколько дней моя соседка по палате покончила с собой. Как ни парадоксально, она не перерезала себе вены, а отравилась, выпив бутылку мощного средства, которую санитарка забыла убрать в шкаф. Девочка, шестнадцать лет, в прошлом чирлидер, резала себе кожу на бедрах, и долгое время никто об этом не знал. Ее родители, придя за вещами, смотрели на меня недобрый взглядом.

Депрессию часто называют черной хандрой, а мне хотелось однажды проснуться и ощутить себя ромашкой. Я думаю, что депрессия желтая, как моча. Депрессия – это бескрайнее море экскрементов – бледных, слабых, безжизненных.

Нам давали мази для успокоения кожного зуда, а также много таблеток для успокоения перевозбужденных умов. Два раза в неделю нас обыскивали, искали колющие и режущие предметы, и потом мы сидели группами, чтобы избавиться, теоретически, от гнева и ненависти к себе. Мы учились не терзать себя. Лучше винить других. За примерное поведение нам раз в месяц делали смягчающие ванны и массаж. Мы учились получать удовольствие от нежных прикосновений.

Вторым и последним моим посетителем была мама, с которой я не виделась лет пять. Она источала аромат фиалок, и у нее на запястье звенел браслет с брелоками, о котором я мечтала в детстве. Пока мы были одни, она говорила о

листочках и рождественских фонариках, которые, по новому городскому закону, должны снимать до пятнадцатого января. Как только подошли врачи, она разволновалась, расплакалась и принялась со мной нежничать. Она гладила меня по голове, сетуя, что же я наделала и зачем.

Потом, как всегда, пошли воспоминания о Мэриан. Видите ли, она уже потеряла одну дочь. Это едва не свело ее в могилу. Зачем же старшая (хотя, конечно, не столь любимая) намеренно себя калечит? Я была совсем не такой, как моя покойная сестра, которой сейчас – подумать только! – было бы почти тридцать лет. Мэриан обожала жизнь, сколько бы ей ни было отведено. Господи, как же она упивалась ею. «Камилла, помнишь, как она смеялась в больнице?»

Мне не хотелось объяснять маме, что такое поведение было естественным для десятилетнего ребенка, который вряд ли понимал, что умирает. Зачем мне себя утруждать? Соперничать с мертвыми невозможно. Пора бы мне самой это понять.

Глава пятая

Утром, когда я спустилась в столовую, Алан сидел один за столом из массивного красного дерева. На нем были белые брюки, местами помятые, точно сделанные из бумаги, и бледно-зеленая рубашка, на полированной поверхности стола маячило его светлое отражение. Я демонстративно оглядела ножки стола, чтобы увидеть, из-за чего вчера поднялось столько шума. Алан сделал вид, что полностью поглощен едой. Он ел яйцо всмятку, черпая из чашечки чайной ложкой. Когда он поднял голову, с его подбородка свисала тягучая струйка желтка.

– Камилла, присаживайся. Что желаешь на завтрак? Скажи Гейле, она принесет. – Он позвонил в серебряный колокольчик, лежавший рядом.

Из смежной кухни, через вращающуюся дверь, вошла Гейла, девушка, которая десять лет назад сменила ремесло свинарки на более престижное занятие: уборку и готовку в мамином доме. Она была примерно моего роста, высокой, но весила не более пятидесяти килограммов. Белый накрахмаленный халат, который она носила как рабочую форму, свободно качался на ней, точно

колокол.

Вошла мама. Она прошла мимо Гейлы, поцеловала Алана в щеку и положила на стол, на белую салфетку из хлопка напротив себя, грушу.

- Гейла, ты ведь помнишь Камиллу?

- Конечно помню, миссис Креллин, - обратила она ко мне хитрое лицо. Потом улыбнулась, растянув потрескавшиеся губы в чешуйках и обнажив кривые зубы. - Привет, Камилла. Могу предложить яйца, тосты, фрукты.

- Спасибо, мне только кофе. Со сливками и с сахаром.

- Камилла, мы купили продукты специально для тебя, - сказала мама, надкусывая грушу. - Съешь хотя бы банан.

- И банан. - Гейла, недобро улыбаясь, ушла на кухню.

- Камилла, приношу тебе извинения за вчерашнее, - заговорил Алан. - У Эммы сейчас трудный возраст.

- Она очень прилипчивая, - прибавила мама. - Обычно ласковая, но иногда немножко отбивается от рук.

- Похоже, не совсем немножко, - заметила я. - Такой скандал в тринадцать лет - не шутка. Страшновато это выглядело.

Теперь чувствовалось, что я вернулась из Чикаго, - это уже явно звучало увереннее, даже нахальнее. Мне полегчало.

- Да, но ты сама была не очень-то спокойной в этом возрасте.

Я не могла понять, на что намекает мама - на резьбу по коже, плач по умершей сестре, а может, на сверхактивную половую жизнь, которую я начала тогда вести. Уточнять не стала, просто кивнула в ответ.

– Ну, надеюсь, она в порядке, – подытожила я и встала, собираясь уходить.

– Камилла, пожалуйста, останься, – сказал Алан тонким голоском, вытирая уголки рта, – Расскажи о Городе ветров. Удели нам минутку.

– В Городе ветров все хорошо. Работа пока нравится, получаю хорошие отзывы.

– Отзывы на что? – Алан наклонился ко мне, скрестив руки на груди, словно считая свой вопрос вполне остроумным.

– Ну, я пишу сейчас о значительных происшествиях. В этом году уже опубликовано несколько статей о трех убийствах.

– Разве это хорошо, Камилла? – Мама перестала грызть грушу. – Никогда не пойму, откуда у тебя взялась любовь к ужасам. Кажется, ты сама уже пережила достаточно бед, чтобы где-то их искать специально. – Она рассмеялась: ее смех был высоким и легким, как воздушный шарик, уносимый ветром.

Вернулась Гейла с чашкой кофе и бананом, нелепо втиснутым в мисочку. Поставив мой завтрак на стол, она направилась к двери, и в этот же момент, как в салонной комедии, вошла Эмма. Она поцеловала маму, поздоровалась с Аланом и села напротив меня. Потом лягнула меня ногой под столом и засмеялась. «Эй, это ты?»

– Камилла, мне жаль, что вчера ты меня видела в дурном настроении, – сказала Эмма. – Мы ведь совсем друг друга не знаем. У меня сейчас трудный возраст, – она делано улыбнулась, – вот, значит, мы и снова вместе. Ты – несчастная Золушка, а я – злая сводная сестра.

– Да какая же ты злая, доченька, – возразил Алан.

– Но Камилла родилась первой. Первые всегда лучшие. Теперь, когда она вернулась, вы будете любить ее больше, чем меня? – спросила Эмма шутливо, однако, ожидая ответа, покраснела.

– Нет, – спокойно сказала Адора.

Гейла поставила перед Эммой тарелку с ветчиной, которую девочка принялась поливать медом, рисуя стружкой кружевные круги.

– Значит, вы меня любите, – продолжила Эмма и набила рот ветчиной. Смесь запахов, мяса и меда, была отвратительной. – Вот бы меня убили.

– Эмма, не говори глупостей, – сказала мама, бледнея. Ее пальцы запорхали вокруг глаз, но она немедленно положила руки на стол.

– Тогда мне больше никогда не пришлось бы переживать. После смерти многие становятся идеальными. Как принцесса Диана: теперь ее любят все.

– Эмма, ты самая популярная девочка в школе, а уж родители в тебе души не чают. Не жадничай.

Эмма еще раз пнула меня под столом и довольно улыбнулась, будто наконец получила ответ на важный вопрос. Она перекинула через плечо край своего одеяния, и я поняла, что на ней был не халат, как мне показалось сначала, а голубая простыня, искусно обернутая вокруг тела. Мама тоже это заметила.

– Во что это ты вырядилась, Эмма?

– Это рубище девы. Мы идем в лес играть. Я буду Жанной д'Арк, а подружки меня сожгут.

– Ты ничего подобного не сделаешь, дорогая, – отрезала мама, забирая банку с медом, пока Эмма не погрузила в нее ветчину. – Убиты две девочки, твои ровесницы, и ты думаешь, что я отпущу тебя в лес?

Шальные детские забавы

Вдали от всех, в лесу густом, –

вспомнилось мне начало детского стихотворения, которое я когда-то знала наизусть.

– Не беспокойся, со мной все будет в порядке, – промурлыкала Эмма со слащавой улыбкой.

– Ты останешься дома.

Эмма с силой ткнула вилкой ветчину и непристойно выругалась вполголоса. Мама повернулась ко мне, вздернув голову, и бриллиант на ее обручальном кольце сверкнул мне в глаза, как световой сигнал SOS.

– Камилла, а может, устроим что-нибудь приятное, пока ты здесь? – спросила она. – Например, пикник на лужайке за домом. Или покатаемся в кабриолете, можно съездить в Вудберри поиграть в гольф. Гейла, принеси, пожалуйста, чаю со льдом.

– Все это звучит заманчиво. Мне надо только выяснить, сколько дней я еще здесь пробуду.

– Да, нам тоже хорошо бы это знать. Хотя, конечно, ты можешь оставаться сколько пожелаешь, – сказала мама. – Но нам все же лучше знать, чтобы строить свои планы.

– Конечно. – Я откусила кусочек банана, он был безвкусный, как трава.

– Или мы с Аланом приедем в Чикаго, как-нибудь в этом году. Мы ведь никогда там не были.

Больница, в которой я лежала, расположена к югу от Чикаго, в полутора часах езды на машине. Мама прилетела в аэропорт О'Хара и оттуда доехала на такси. Это обошлось ей в 128 долларов, с чаевыми – 140.

– Это тоже было бы хорошо. У нас замечательные музеи. И озеро тебе бы понравилось.

– Не уверена, что меня теперь привлекают водоемы.

– И давно? – спросила я, догадываясь, что услышу в ответ.

– После того, как маленькую девочку, Энн Нэш, оставили в реке умирать. – Она отпила чая. – Я ведь знала ее, понимаешь.

Эмма захныкала и заерзала на стуле.

– Но ведь она не утонула, – возразила я, догадываясь, что мама, скорее всего, не потерпит возражений. – Ее задушили. Просто она умерла, когда лежала в ручье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перевод И. Егоровой.

2

Район Чикаго, расположенный к югу и востоку от р. Чикаго. Значительная часть района – трущобы. Заселен в основном переселенцами с негритянского Юга и пуэрториканцами. – Здесь и далее прим. перев.

3

Речь идет о свободе прессы.

4

Рэмси, Джонбенет – победительница детских конкурсов красоты в США, убитая в возрасте шести лет. Странное имя получилось из слияния первого и второго имен ее отца, Джона Беннета Рэмси.

5

Теодор Рузвельт – президент США в 1901–1909 гг., славился своей страстью к охоте.

6

Площадка с перильцами на крыше дома.

7

Венди Дарлинг – персонаж книги Дж. Барри «Питер Пэн», девочка с короткими черными волосами, которая носит розовое платье и венок из цветов.

8

Великий картофельный голод случился в Ирландии в 1845–1850 гг. В результате четверть населения Ирландии либо умерла от голода, либо эмигрировала в соседние страны.

9

«Be Not Afraid» – церковный гимн Боба Даффорда (р. 1943), иезуитского священника, композитора католической литургической музыки.

10

1 фут = 30,48 см; т. е. высота дома ок. 120 см.

11

Обучающая чтению серия книг для детей.

12

Трилогия писательницы Л. Уайдлер о семье американских первопроходцев.

Купить: <https://telnovel.com/gillian-flinn/ostrye-predmety-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)